

У И Л К И

КОЛЛИНЗ

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Уильям Уилки Коллинз

Человек в черном

«Издательство АСТ»

1881

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Коллинз У.

Человек в черном / У. Коллинз — «Издательство АСТ»,
1881 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156041-6

Луис Ромейн не мог и представить, что поездка к друзьям в Лондон в попытке отвлечься от тяжелых мыслей затянет его в паутину интриг, заговоров, лжи... и любви. Прекрасная Стелла влюбляется в Ромейна, и, кажется, у него тоже возникают к ней чувства. Но в то же время иезуиты хотят заполучить наследное поместье молодого аристократа, обратив хозяина в лоно Церкви. Все осложняется тем, что каждый – и Луис, и Стелла – скрывает свои страшные тайны.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-156041-6

© Коллинз У., 1881
© Издательство АСТ, 1881

Содержание

Вступление к рассказу	6
Сцена первая. Дуэль	6
I	6
II	7
III	9
IV	11
V	12
Сцена вторая. Предостережение	16
VI	16
VII	17
VIII	20
IX	21
X	22
Рассказ	24
Часть первая	24
I. Откровенный разговор	24
II. Иезуиты	28
III. Представление Ромейну	31
IV. Отец Бенвель попадает в цель	34
V. Отец Бенвель промахнулся	37
VI. Порядок блюд	40
VII. Влияние Стеллы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Уилки Коллинз

Человек в черном

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вступление к рассказу

Сцена первая. Дуэль

I

Доктора уже не могли помочь вдовствующей леди Беррик.

Когда медики советуют семидесятилетней старушке воспользоваться теплым климатом южной Франции, то это в переводе на простой человеческий язык означает, что искусство их бессильно.

Миледи испробовала действие теплого климата и затем решила, по ее собственному выражению, «умереть дома». Когда мне в последний раз довелось услышать о ней, она, путешествуя не спеша, прибыла в Париж.

Это было в начале ноября.

Спустя неделю я встретился в клубе с ее племянником, Луисом Ромейном.

– Что привело вас в Лондон в такое время года? – спросил я.

– Рок, преследующий меня, – отвечал он мрачно. – Я один из несчастнейших людей.

Ему было тридцать лет, он не был женат и являлся владельцем прекрасного старинного поместья, называемого аббатством Венж. У него не было бедных родственников, а сам он считался одним из красивейших мужчин в Англии. Если я скажу при этом, что сам я армейский офицер в отставке, получаю крошечный доход, имею пренеприятную жену и четверых безобразных детей, что мне уже стукнуло пятьдесят, то никому не покажется удивительным мой ответ Ромейну:

– От всей души хотел бы поменяться с вами местами.

– Да и я бы хотел! – воскликнул он совершенно чистосердечно. – Прочтите!

Он подал мне письмо от доктора, сопровождавшего леди Беррик во время ее поездки. Отдохнув в Париже, больная продолжала свой путь и доехала уже до Булони. Как больная, она была подвержена внезапным капризам. Вдруг она почувствовала непреодолимый страх при мысли о переезде через канал и решительно отказалась взойти на пароход. Ввиду этого затруднительного обстоятельства ее компаньонка отважилась сделать ей предложение: не согласится ли она переехать через канал, если ее племянник приедет в Булонь специально, чтобы сопровождать ее во время путешествия? Тотчас же последовал удовлетворительный ответ, и доктор, не теряя времени, написал мистеру Луису Ромейну. Таково было содержание письма.

Дальнейшие расспросы оказывались излишними. Ромейн отправлялся в Булонь. Я сделал ему несколько полезных указаний.

– Попробуйте устриц в ресторане на молу, – сказал я.

Он даже не поблагодарил меня, находясь в глубокой задумчивости.

– Войдите в мое положение, – сказал он. – Я ненавижу Булонь и вполне разделяю отвращение тетки к переезду через канал. Я надеялся провести несколько месяцев в деревне, в приятном уединении с книгами – и вдруг такая неожиданность! Я очутился в Лондоне в самое время туманов и должен завтра, в семь часов утра, выехать с курьерским поездом. И все это ради женщины, с которой у меня нет ничего общего. После этого я уж не знаю, могу ли называться счастливым человеком?

Он говорил с крайним раздражением, казавшимся мне при данных обстоятельствах просто смешным. Но у меня нервы крепкие и не расстроенные, как у моего друга, ночными занятиями и крепким чаем.

– Путешествие займет всего два дня, – заметил я, желая поощрить Ромейна в его положении.

– Как знать? – ответил он угрюмо. – Через два дня может подняться буря. Тетушка может вдруг заболеть и не сможет продолжить путешествие. К несчастью, я ее наследник и должен подчиняться всем ее фантазиям и капризам. Но я и так богат. Не надо мне ее денег! Терпеть не могу путешествовать, а особенно путешествовать один. Вы человек свободный. Если б вы и в самом деле были мне другом, то предложили бы поехать со мной... конечно, в качестве моего гостя, – прибавил он с деликатностью, окупавшей многие причудливые черты его характера.

Я знал его настолько, что не обиделся его деликатным намекам на мою бедность. Предлагаемое мне путешествие соблазняло меня. Я не боялся переправы через канал, да и перспектива уехать из дому представлялась мне чрезвычайно привлекательной. Я принял предложение моего друга.

II

Вскоре после полудня следующего дня мы прибыли в Булонь и остановились вблизи леди Беррик, но не в одной гостинице с ней.

– Если мы поселимся в одном доме с ней, – заметил Ромейн, – нам вечно будут надоедать компаньонка и доктор. Постоянные встречи на лестнице, поклоны и разговоры!

Он терпеть не мог существующих в обществе формальных приличий. Однажды на вопрос, в каком обществе он чувствует себя лучше всего, он ответил весьма нелюбезно:

– В обществе собак.

Я ожидал его на молу, когда он отправился почтить миледи. Возвратясь ко мне, он сказал с горькой усмешкой:

– Что я вам говорил? Она нездорова и не может принять меня сегодня. Доктор смотрит озабоченно, а компаньонка подносит платок к глазам. Нам, может быть, придется провести здесь несколько недель.

После полудня пошел дождь. Ранний обед, поданный нам, оказался плохим, и это последнее обстоятельство вывело Ромейна из себя. Он не был гурманом, вопрос о еде сводился для него к вопросу о пищеварении. Ночные занятия и злоупотребление чаем, о котором я уже упомянул, повлияли также и на его желудок. Доктора, опасаясь серьезных последствий для его нервной системы, советовали изменить образ жизни, но он не доверял им и был вполне убежден в силе своей натуры. Насколько мне известно, он никогда не исполнял докторских предписаний.

К вечеру небо прояснилось, и мы вышли погулять. Дорога тянулась мимо католической церкви, двери которой были открыты. В полусумрачном помещении мы увидели нескольких молящихся женщин.

– Подождите меня несколько минут, – попросил Ромейн, – я в скверном расположении духа. Постараюсь очистить свои мысли и улучшить настроение.

Я последовал за ним в церковь. Он опустился на колени в темном углу. Признаюсь, я был удивлен, увидев это. Он был крещен в англиканской вере, относительно же внешней обрядности, насколько мне известно, не принадлежал ни к какой церкви.

Иногда я слышал, как он с искренним уважением и восхищением говорил о христианстве, но никогда, насколько я знаю, не присутствовал при богослужении. Выйдя из церкви, я спросил, не принял ли он уже католическую веру?

– Нет, – отвечал он. – Я так же, как самый ревностный протестант, ненавижу исконное стремление духовенства этой церкви к влиянию на общество и к политическому могуществу. Но римская церковь вместе с большими недостатками имеет и большие достоинства. Все в ней устроено с замечательным знанием человеческой природы. Возьмем хотя бы то, что мы

сейчас видели. Торжественное молчание в церкви, вид бедняков, молившихся рядом со мной, выразительные слова молитв, в которых я слился с ближними, – все это успокоило меня, и я почувствовал себя лучше. У нас в это вечернее время я нашел бы церковь запертой.

Он взял меня под руку и вдруг переменял тему разговора:

– Что вы будете делать, если тетюшка примет меня завтра?

Я уверил его, что сумею найти себе развлечение.

На следующее утро леди Беррик прислала слугу сказать, что ждет племянника к себе после завтрака. Предоставленный самому себе, я отправился на мол, и там мне предложили нанять лодку. У хозяина ее были удочки и насадка. К несчастью, как оказалось впоследствии, я решил провести часок-другой за рыбной ловлей на море.

Когда мы вышли в море, ветер усилился и, прежде чем нам удалось вернуться в порт, наступил отлив. Было шесть часов, когда я оказался снова в гостинице. У подъезда стояла открытая коляска. Я нашел Ромейна, с нетерпением ожидающего меня, а на столе не было и следа обеда. Ромейн сообщил, что принял приглашение, распространявшееся также и на меня, и обещал рассказать все в экипаже.

Наш возница повез нас по дороге в Верхний город. Скрыв свое любопытство, я вежливо спросил его о здоровье тетки.

– Она, бедняжка, больна серьезно, – ответил он. – Мне досадно за свое неудовольствие и бессердечное отношение к ней, которые я выказал в клубе. Близость смерти обнажила в ее характере качества, которые мне следовало бы заметить ранее. Как бы ни был продолжителен срок, я терпеливо стану ждать возвращения в Англию.

Уверенный в своей правоте, он становился в мыслях и действиях самым упрямым человеком, какого мне приходилось когда-либо видеть. Убедившись же в своей неправоте, он ударился в другую крайность: совершенно необоснованно начинал не доверять себе и безо всякой нужды пользовался каждым представившимся случаем, чтобы загладить свою ошибку. При этом он бывал способен, имея наилучшие намерения, поступать по-детски нерассудительно.

Предчувствуя что-то недоброе, я спросил, как он провел время без меня.

– Я ожидал вас, пока не потерял терпение, – отвечал он, – а потом решил пройтись. Я думал пойти на берег моря, но запах гавани заставил меня вернуться в город, и здесь – странное стечение обстоятельств – я встретил некоего капитана Питеркина, бывшего моего товарища по университету.

– Он здесь проездом? – спросил я.

– Нет, не совсем.

– Живет здесь?

– Да. Я потерял его из виду, уехав из Оксфорда, и, кажется, ему после не повезло. Мы разговорились. Он сказал мне, что будет жить здесь, пока его дела не устроятся.

С меня было довольно – личность капитана Питеркина вставала передо мной с такою ясностью, будто я знал его много лет.

– Неосторожно с вашей стороны возобновлять знакомство с подобным человеком, – сказал я. – Нельзя ли было ограничиться обменом поклонами?

Ромейн принужденно улыбнулся.

– Вы, может быть, правы, – отвечал он, – но вспомните: уходя от тетки, я осознал, как несправедливо относился к ней. И подумал, что обижу старого товарища, холодно обойдясь с ним. Бедняга, быть может, попал в свое теперешнее положение столько же по несчастью, сколько и по своей вине. Мне в первую минуту хотелось поступить, как вы советуете, но я не доверился себе. Он протянул мне руку и выразил удовольствие, что видит меня. Как тут было поступить? Мне интересно услышать ваше мнение о нем.

– Капитан Питеркин пригласил нас обедать?

– Да. Я случайно упомянул о вчерашнем скверном обеде в гостинице. Он сказал: «Приходите ко мне в пансион. Кроме Парижа, во всей Франции не найдете такого стола». Я старался отказаться от его приглашения – я не люблю встречаться с незнакомыми личностями – и сказал, что я здесь со знакомым. Он любезно пригласил и вас сопутствовать мне. Неловко было отказываться дольше. Питеркин и так обиделся. «Я беден, – сказал он, – и вовсе не подходящее знакомство для вас и ваших друзей. Прошу извинения, что осмелился пригласить вас!» Он отвернулся, со слезами на глазах. Что мне было делать?

Я подумал:

«Следовало предложить ему пять фунтов, и он не обиделся бы, что его приглашение не принято».

Вернись я вовремя для прогулки с Ромейном, мы бы не встретили капитана, а если бы даже встретили, то мое присутствие помешало бы конфиденциальному разговору и приглашения бы не последовало. Я чувствовал свою вину, хотя вовсе не был виноват. Возражения теперь бесполезны – дело поправить нельзя.

Оставив старый город по правую руку и проехав мимо нескольких дач в предместье, мы подъехали к одинокому домику, окруженному каменной оградой. Проходя через садик перед домом, я заметил около конуры двух больших цепных собак. Их хозяин боялся воров?

III

В ту минуту, когда мы вошли в гостиную, мои подозрения насчет общества, которое я ожидал встретить, подтвердились.

«Карты, бильярд и пари» можно было ясно прочесть на лице и в манерах капитана Питеркина. На содержательнице пансиона – быстроглазой желтолицей старухе – было надето украшений тысяч на пять фунтов стерлингов, если бы они были из настоящих драгоценных камней. Молодые особы, находящиеся в комнате, были сильно нарумянены, а глаза их так тщательно подведены, будто они собрались на сцену, а не на обед. Когда мы вошли, эти прелестные создания пили мадеру для возбуждения аппетита. Среди мужчин двое особенно бросились мне в глаза: подобных образчиков отъявленных негодяев я не встречал ни у себя на родине, ни за границей. Одного, со смуглым лицом и перешибленным носом, нам представили под именем Командора и как человека, обладающего большим состоянием, перуанского аристократа, путешествующего ради удовольствия. Другого, в военном мундире с орденами, называли генералом. Нахальные манеры, толстое тупое лицо, маленькие косые глазки и сальные руки произвели на меня настолько отталкивающее впечатление, что хотелось дать ему пинка. Ромейна, вероятно, еще до нашего приезда отрекомендовали как богатого собственника. Мужчины и женщины встретили его с подобострастной вежливостью. Когда мы перешли в столовую, очаровательная особа, поместившаяся рядом с ним, закрылась веером и таким образом устроила свидание с глазу на глаз с богатым англичанином. Что касается обеда, то он в известной степени оправдал отзыв капитана Питеркина. Вино было хорошее, и разговор сделался непринужденным до неделикатности.

Обыкновенно крайне умеренный, Ромейн, искушаемый примером соседей, пил много. Я, по несчастию, сидел на противоположном конце стола и не имел возможности предостеречь своего друга. По окончании обеда мы все вернулись в гостиную пить кофе и курить. Женщины курили, пили ликеры и кофе наравне с мужчинами. Одна подошла к роялю, и начался импровизированный бал, дамы танцевали с сигаретами во рту. Постоянно держа уши и глаза насто- роже, я вдруг заметил, как открылся деревянный столик розового цвета и показалось зеленое поле. В то же время из потаенного шкафчика в диване появился хорошенький столик с рулеткой. Проходя мимо почтенной хозяйки, я слышал, как она шепотом спросила слугу, спущены

ли собаки. Из всего замеченного мною я заключил, что собаки служили для предупреждения о появлении полиции. Пора было поблагодарить капитана Питеркина и проститься.

– Будет с нас этого, – шепнул я Ромейну по-английски. – Пойдемте.

В наше время ошибочно предполагать, что можно сообщить что-нибудь по секрету, говоря по-английски в присутствии французов. Одна из дам кокетливо спросила Ромейна, неужели она уже надоела ему. Другая напомнила, что идет проливной дождь – мы все слышали это, – и уговаривала моего друга подождать, пока погода прояснится. Отвратительный генерал, показав грязной рукой на карточный стол, сказал:

– Нас ждет зеленое поле.

Ромейн был возбужден, но выпитое вино не лишило его рассудка. Он ответил сдержанно:

– Прошу извинить меня, я плохой игрок.

Лицо генерала вдруг приняло серьезное выражение.

– Вы, кажется, оказались в неведении, – сказал он. – Мы играем в ландскнехт – игру случая. Если выпадет удача, плохой игрок сможет справиться со всем столом.

Ромейн продолжал отказываться. Я, конечно, поддерживал его, стараясь никого не обидеть. Тем не менее генерал обиделся. Он скрестил руки на груди и свирепо взглянул на нас.

– Не означает ли это, господа, что вы не доверяете нашему обществу? – спросил он.

Командор с перешибленным носом, услышав вопрос, тотчас же подошел, стараясь восстановить мир с помощью убедительного средства – дамы, которую он вел под руку.

Дама вышла вперед и ударила генерала веером по плечу.

– Я тоже принадлежу к обществу, – сказала она, – и уверена, что мистер Ромейн не имеет недоверия ко мне.

Она обратилась к Ромейну с очаровательнейшей улыбкой.

– Джентльмен никогда не отказывается от карт, когда его партнер – женщина. Будемте играть вместе, только прошу вас, мистер Ромейн, не очень рискуйте.

Она вложила ему в руку свой хорошенький кошелек с таким видом, будто уже полвека была влюблена в моего друга.

Роковое влияние женщины и выпитое вино произвели желаемое действие. Ромейн позволил подвести себя к карточному столу. С минуту генерал не начинал игру: после случившегося ему необходимо было восстановить справедливость.

– Мы все честные люди... – начал он.

– И храбрые... – добавил Командор, с восхищением глядя на генерала.

– И храбрые, – согласился генерал, в свою очередь с восторгом глядя на Командора.

– Если я позволил себе выразиться с излишней горячностью, господа, то сожалею об этом и прошу у вас прощения.

– Благородная речь! – воскликнул Командор.

Генерал приложил руку к сердцу и поклонился.

Игра началась.

Как человек небогатый, я не был предметом таких ухаживаний со стороны дам, как Ромейн. Но надо же было заплатить за обед, принимая хотя бы некоторое участие в вечерних увеселениях. Оказалось, что за рулеткой допускались небольшие ставки. Кроме того, карточный стол сулил так много привлекательного, что у рулетки вряд ли стоило плутовать. Я расположился возле одного из гостей, имевшего наименее мошеннический вид, и стал играть в рулетку.

Каким-то чудом мне повезло сначала. Сосед передал мне мой выигрыш.

– Я проиграл все, до последнего сантима, – шепнул он жалобно, – а дома у меня жена и дети.

Я дал бедняку взаймы пять франков. Он слегка улыбнулся, глядя на деньги.

– Это напоминает мне недавно случившееся со мной происшествие, – сказал он. – Я дал взаймы денег тому господину, который играет с генералом. Боже сохрани иметь с ним дело! Как вы думаете, что я получил в уплату за мой вексель в четыре тысячи франков? Сто бутылок шампанского, пятьдесят бутылок чернил, пятьдесят коробок колбасы, три дюжины платков, две картины неизвестных мастеров, две шали, сто географических карт и – пять франков.

Мы продолжили игру. Удача изменила мне, я проигрывал, проигрывал, постоянно проигрывал. Время от времени я оборачивался к карточному столу. Генерал метал банк и, мне казалось, ужасно его затягивал. Перед ним лежала груда банковых билетов и золота, выигранных главным образом у Ромейна, как я узнал впоследствии. Что касается моего соседа, несчастного обладателя коробок ваксы, картин неизвестных мастеров и прочего, он выигрывал, но, надеясь на свое счастье, рисковал и проиграв последний сантиметр, удалился в угол, ища утешения в сигаре. Я тоже поднялся, чтобы последовать его примеру, как у карточного стола раздались яростные крики.

Я видел, как Ромейн вскочил и, вырвав у генерала карты, закричал:

– Негодяй! Вы плутуете!

Генерал тоже вскочил с криком:

– Вы лжете!

Я попытался вмешаться, но Ромейн понял необходимость сдержаться.

– Шулер не может оскорбить джентльмена, – сказал он хладнокровно.

– Так вот вам! – и генерал плюнул ему в лицо.

В ту же минуту Ромейн ударом свалил его на пол.

Генерал был грузный мужчина, он упал тяжело и на минуту остался недвижимым. Женщины с визгом выбежали из комнаты. Мирный Командор дрожал с головы до ног. Двое из присутствующих – надо отдать им справедливость, не трусы – заперли дверь.

– Вы не уйдете, – сказали они нам, – пока не убедимся, что он пришел в себя.

С помощью холодной воды и нюхательной соли генерала скоро привели в чувство.

Он что-то шепнул одному из своих друзей, и тот обратился ко мне.

– Генерал вызывает мистера Ромейна на дуэль. Как один из секундантов, я прошу назначить мне час, когда я могу видеть вас завтра утром.

Я отказался выполнять его просьбу, пока не отопрут двери и не выпустят нас.

– Экипаж ждет нас у ворот, – прибавил я. – Если он вернется в гостиницу без нас, то станут наводить справки.

Мое замечание возымело действие. Двери отперли, и я назначил свидание на другой день.

Мы уехали.

IV

Излишне говорить, что, принимая вызов генерала, я только старался избежать новой ссоры. Если бы эти личности возымели достаточно наглости, чтобы явиться в гостиницу, я бы решился пострадать их вмешательством полиции и таким образом положить конец всему делу. Ромейн не высказывал своего мнения. Его поведение вызывало у меня опасения. Унизительное оскорбление, нанесенное ему, казалось, не выходило у него из головы. Он задумчиво ходил по своей комнате.

– Вы ничего не желаете сказать мне? – спросил я.

Он ответил только:

– Подождите до завтра.

На следующее утро явились секунданты.

Я ожидал увидеть двоих из господ, с которыми мы обедали вчера. К моему удивлению, посетители оказались офицерами из полка генерала. Они предложили дуэль на следующее утро, предоставляя выбор оружия Ромейну как вызываемому.

Мне стало ясно, что способ игры в карты, который практиковался генералом, не был известен его подчиненным. Он, быть может, имел некоторые предосудительные знакомства и, как я впоследствии узнал, иногда навлекал на себя подозрения, но появление двух джентльменов от его имени свидетельствовало, что он все еще пользовался некоторой репутацией, которую желал сохранить. Офицеры объявили, что Ромейн впал в роковую ошибку, сам вызвал оскорбление и отвечал на него грубой выходкой, достойной труса. Как мужчина и военный, генерал вдвойне должен был настаивать на дуэли. Если бы даже Ромейн стал извиняться, его извинения не могут быть приняты.

Видя, что остался только один выход, я отказался принять вызов.

На вопрос о причинах отказа я считал нужным отвечать в известных границах: хотя мы и знали, что генерал был шулер, но оспаривать прямо его право на удовлетворение, раз секундантами его явились два офицера, было делом щекотливым. Я принес карты, унесенные Ромейном в кармане, и показал их секундантам как доказательство правоты моего друга.

Секунданты, видимо подготовленные своим командиром к подобной случайности, отказались от осмотра карт. Во-первых, говорили они, даже если бы действительно вся колода оказалась помеченной, то и это обстоятельство не могло бы служить извинением Ромейну. Во-вторых, высокая репутация генерала не допускала, чтобы при каких бы то ни было обстоятельствах подозрение могло пасть на него. Подобно нам самим, он также случайно сошелся с предосудительным обществом и был невинной жертвой ошибки или обмана, произведенного кем-нибудь другим из находившихся за столом.

Доведенный до крайности, я стал основывать свой отказ на том, что мы англичане и дуэль в Англии запрещена. Оба секунданта отказались признать это обстоятельство уважительным.

– Мы во Франции, – сказал один из них, – где дуэль между порядочными людьми служит удовлетворением за нанесенное оскорбление. Вы обязаны уважать общественные законы той страны, где живете, даже временно. Отказываясь, вы рискуете подвергнуть вашу храбрость такому общественному обвинению, которое слишком унижительно, чтобы о нем упоминать. Так как сейчас соблюдены не все формальности, то мы отложим переговоры на три часа. Мы должны договариваться с двумя джентльменами со стороны мистера Ромейна. Найдите другого секунданта и обдумайте хорошенько свое решение до нашего следующего визита.

Не успели французы выйти в одну дверь, как Ромейн вошел в другую.

– Я слышал все, – сказал он спокойно. – Примите вызов.

Торжественно заявляю, что я испытал все средства, способные поколебать решение моего друга, так как твердо был убежден в необдуманности его поступка. Все мои увещания не привели ни к чему. Он был глух ко всем доводам с той минуты, как было высказано, что результатом отказа могло быть сомнение в его мужестве.

– Зная ваш образ мыслей, – сказал он, – я не стану просить вас быть моим секундантом. Мне нетрудно будет найти секундантов-французов, и помните: если вы попытаетесь предотвратить встречу, то дуэль все-таки произойдет в другом месте, а дружбе нашей с той минуты конец.

Бесполезно прибавлять после этого, что я сопровождал его на следующее утро в качестве секунданта.

V

Ровно в девять часов – в назначенное время – мы были на месте.

Второй секундант, француз, был родственником одного из офицеров, принесших вызов.

По его указанию мы выбрали оружием пистолеты. Ромейн, как большинство современных англичан, вовсе не умел владеть шпагой. Но почти так же неопытен он был и в обращении с пистолетом.

Наши противники опоздали. Мы ждали их более десяти минут. Погода не благоприятствовала ожиданиям. День был сырой, шла изморось. Густой туман медленно надвигался на нас с моря.

Когда наши противники явились, генерала между ними не было. Высокий щеголеватый молодой человек поклонился Ромейну мрачно, но вежливо, и сказал сопровождавшему его господину:

– Объясните, в чем дело.

Господин оказался доктором. Он тотчас же приступил к объяснению. Генерал был так болен, что не мог явиться. С ним сделался утром удар – следствие его вчерашнего падения. Поэтому его старший сын, Морис, явился сюда вместо отца в сопровождении секундантов генерала и с его полного согласия.

Мы тотчас же отказались допустить дуэль, причем Ромейн громко объявил, что не имел ссоры с сыном генерала. Морис выбежал вперед своих секундантов, сорвал перчатку с руки и, встав около Ромейна, ударил его по лицу снятой перчаткой.

– Теперь вы не скажете, что у вас не было ссоры со мной, – воскликнул молодой француз. – Или мне следует плюнуть на вас, как сделал отец?

Секунданты увлекли его назад, прося извинения за его выходку. Но оскорбление было нанесено. Глаза Ромейна сверкнули.

– Зарядите пистолеты, – приказал он.

После публично нанесенного ему оскорбления и публичной угрозы другим оскорблением у него не было иного выхода.

Нам пришлось вынуть пистолеты. Мы попросили секундантов Мориса осмотреть их и зарядить. Пока это совершалось, приближающийся с моря туман так стремительно окутал нас, что вскоре противники не могли видеть даже друг друга.

Нам приходилось ожидать, не прояснится ли погода. Ромейн немного успокоился и обратился к секундантам:

– Думаю, молодой человек – хороший сын и обязан загладить оскорбление, которое, по его мнению, нанесено его отцу. Разве удар перчаткой мог причинить мне вред? Я, вероятно, выстрелю на воздух.

– В таком случае я отказываюсь быть вашим секундантом, – сказал француз, второй секундант Ромейна. – Сын генерала известен своим искусством в стрельбе из пистолета. Если вы не прочли это на его лице, то я понял его намерение – он хочет убить вас. Защищайтесь!

Я говорил тем же тоном, когда очередь дошла до меня. Ромейн уступил и полностью отдался в наше распоряжение.

Через четверть часа туман немного поредел. Мы отмерили расстояние, условившись предварительно по моему настоянию, что оба противника выстрелят одновременно по данному знаку. Спокойствие Ромейна, когда они стали друг против друга, было необыкновенным, не свойственным такому раздражительному, как он, человеку. Я поставил его немного боком, что в некоторой степени уменьшало опасность. Мой товарищ француз вручил ему пистолет и дал последние наставления:

– Опустите ваш пистолет дулом в землю. Услышав сигнал, поднимите оружие не выше локтя, прижмите локоть к себе и стреляйте.

Больше мы ничем не могли помочь. Признаюсь, когда мы отошли, язык отказывался повиноваться мне и мороз пробежал по всему телу.

Дали знак, и оба выстрела раздались одновременно.

Я взглянул на Ромейна. Он снял шляпу и протянул ее мне, улыбаясь. Пуля противника оторвала кусок от ее полей с правой стороны. Его жизнь, в полном смысле слова, висела на волоске.

Пока я поздравлял его, туман усилился еще больше.

Вглядываясь в то место, где стояли наши противники, мы с трудом могли рассмотреть неопределенные фигуры, поспешно двигавшиеся в различных направлениях. Что-то случилось. Мой товарищ-француз, взяв меня за руку, многозначительно пожал ее.

– Пустите меня, я спрошу, – сказал он.

Ромейн попытался следовать за ним, но я удержал его, мы не промолвили ни слова.

Туман все продолжал сгущаться, так что вскоре уже ничего нельзя было рассмотреть. Один раз до нас донесся голос доктора, с нетерпением просившего принести ему свечу. Но мы не видели никакого света. Молчание, еще тяжелее тумана, царствовало вокруг нас. Вдруг оно было прервано – прервано ужасным образом: истерический голос, незнакомый нам, резко раздался среди тумана:

– Где он? – кричал голос по-французски. – Убийца! Убийца, где ты?

Была ли то женщина, или был это мальчик? Больше мы ничего не слышали. Впечатление, произведенное на Ромейна, было ужасным. Он, хладнокровно стоявший перед дулом пистолета, готового убить его, теперь молча дрожал, как обьятое ужасом животное. Я обнял его за талию и постарался увести.

Мы подождали в гостинице возвращения нашего второго секунданта. Вскоре он явился и предупредил нас о приходе доктора.

Дуэль закончилась несчастно. Пуля, пущенная наугад неопытной рукой Ромейна, попала в лицо сына, как раз у правой ноздри, прошла навылет через шею и вызвала смертельное сотрясение спинного мозга. Он умер по дороге к дому отца.

Наши опасения оправдались. Но произошло еще нечто такое, к чему мы не были готовы: младший брат убитого – тринадцатилетний мальчик – тайком последовал за секундантами и, спрятавшись, был свидетелем ужасного конца. Секунданты узнали об этом только тогда, когда он, выскочив из своего убежища, бросился на колени перед умирающим братом. Те ужасные крики, которые мы слышали, исходили из его уст. Поразивший его брата был убийца, которого он тщетно старался найти в непроницаемом тумане.

Мы оба взглянули на Ромейна. Он молча, будто окаменелый, посмотрел на нас. Я попробовал успокоить его.

– Ваша жизнь была в руках противника, – сказал я, – он искусно владел пистолетом, и вы, следовательно, рисковали больше него. Разве можно считать себя ответственным за случайность? Не падайте духом, Ромейн! Думайте о будущем, и тогда все это будет забыто.

– Никогда, – отвечал он, – никогда мне не забыть этого... до конца жизни.

Он произнес это глухим, монотонным голосом. Глаза его смотрели устало и рассеянно. Я снова заговорил с ним. Он не проронил ни слова и, кажется, не слышал или не понимал меня. В то время, когда я уже не знал, что сказать или сделать, пришел доктор. Не ожидая моего вопроса, он внимательно взгляделся в Ромейна, а затем увел меня в соседнюю комнату.

– Ваш друг перенес сильное нервное потрясение, – сказал он. – Можете ли вы сообщить мне о его образе жизни?

Я упомянул о продолжительных ночных занятиях и злоупотреблении чаем. Доктор покачал головой.

– Если хотите послушать моего совета, – сказал он, – везите его поскорей домой. Не подвергайте дальнейшим неприятностям, которые могут произойти, когда результат дуэли станет известен в городе. Если вас привлекут к суду, то это будет только формальность, вы сможете явиться тогда. Оставьте мне ваш адрес.

Я чувствовал, что благоразумнее всего последовать его совету. Пароход отходил в Фолькстон утром, и нам нельзя было терять времени. Ромейн не противился нашему возвращению в Англию, ему, казалось, ни до чего не было дела.

– Оставьте меня в покое, – сказал он, – и поступайте как хотите.

Я написал несколько строк доктору леди Беррик, извещая его о случившемся, и через четверть часа мы уже стояли на палубе парохода.

Пассажиров было немного. При отплытии из гавани мое внимание было привлечено молоденькой англичанкой, путешествовавшей, по-видимому, со своей матерью. Когда мы проходили по палубе мимо нее, она взглянула на Ромейна и на ее прекрасном лице выразилось такое участие, что я подумал, не знакомы ли они. После длительных бесплодных попыток мне наконец удалось вывести его из оцепенения и заставить взглянуть на нашу спутницу.

– Вы знаете эту прелестную девушку? – спросил я.

– Нет, – отвечал он с крайним равнодушием. – Я никогда не видел ее прежде. Я устал... ужасно устал! Не говорите со мной, оставьте меня одного.

Я отошел от него. Его внешность и привлекательность, которым он, по-видимому, никогда не придавал значения, вызвали участие и восторг молодой девушки, случайно встретившейся с ним. Выражение безропотной печали и страдания на его лице, без сомнения, усилили симпатию, бессознательно пробудившуюся в нежной и чувствительной женщине. Уже не в первый раз – мне это хорошо известно – он был предметом не только восторга, но истинной, горячей любви. Он никогда не отвечал на это чувство взаимностью, даже, кажется, никогда не придавал им серьезного значения. Женитьба могла быть спасением для него. Но женится ли он когда-нибудь?

Опершись о борт, я предался этим мыслям, как вдруг нежный тихий голос возвратил меня к действительности, то был голос девушки, о которой я думал.

– Извините, что я беспокою вас, – сказала она, – но мне кажется, ваш друг ищет вас.

Она говорила со скромностью и самообладанием хорошо воспитанной девушки. Легкий румянец, появившийся на ее щеках, сделал ее, на мой взгляд, еще прелестнее. Я поблагодарил ее и поспешил к Ромейну.

Он стоял возле решетки машинного отделения. Я тотчас же заметил в нем перемену. Его глаза лихорадочно блеснули, а во взгляде застыл дикий ужас. Он схватил меня за руку и, указывая вниз, в машинное помещение, спросил:

– Что вы слышите?

– Слышу шум машины.

– Ничего больше?

– Ничего... А что слышите вы?

Он вдруг отвернулся.

– Я вам скажу это, когда мы высадимся, – ответил он.

Сцена вторая. Предостережение

VI

При приближении к гавани Фолькстона волнение Ромейна, казалось, успокоилось. Голова его склонилась на грудь, глаза полузакрылись – он походил на усталого, тихо засыпающего человека.

Сойдя с парохода, я решил предложить нашей прелестной спутнице занять для нее и ее матери места на лондонский поезд. Она поблагодарила меня, сказав, что приехала к знакомым в Фолькстон. Говоря это, она смотрела на Ромейна.

– Мне кажется, он очень болен, – произнесла она, слегка понижая голос.

Не успел я ответить, как ее мать с удивлением посмотрела на нее и обратила ее внимание на знакомых, приехавших встретить их. Уходя, она бросила последний нежный и грустный взор на Ромейна. Он не только не ответил ей, но даже не заметил ее взгляда. По дороге к поезду он все сильнее и сильнее опирался на мою руку. Сев в вагон, он тотчас же погрузился в глубокий сон.

Прибыв в Лондон, мы отправились в гостиницу, где мой друг обычно останавливался. Продолжительный сон дорогой, казалось, принес ему некоторое облегчение. Мы пообедали вдвоем в его номере. Когда слуга удалился, я убедился, что несчастный исход дуэли все еще мучил его.

– Я не могу смириться с мыслью, что убил человека, – сказал он. – Не оставляйте меня!

В Булони я получил письмо с извещением, что моя жена и семейство приняли приглашение знакомых приехать пожить на берегу моря. Таким образом, я был спокоен за них и целиком мог принадлежать своему другу. Успокоив его, я напомнил о нашем разговоре на пароходе. Он постарался изменить тему беседы, но мое любопытство было слишком велико и я стремился помочь ему вспомнить, в чем было дело.

– Мы стояли около машинного отделения, – напомнил я, – вы спросили, что я слышу, и обещали, когда мы высадимся, рассказать, что слышали сами.

Он перебил меня:

– Я начинаю думать, что это была галлюцинация. Не следует обращать слишком большое внимание на все, что говорится в столь ужасном состоянии. На мне кровь человека...

Я перебил его в свою очередь...

– Я отказываюсь вас слушать, если вы будете продолжать так говорить о себе, – заявил я ему. – Вы настолько же ответственны за смерть молодого человека, как если б наехали на него на улице. Я не подходящий собеседник для человека, рассуждающего подобно вам. Около вас следует находиться доктору.

Я действительно сердился на него и не находил причины скрывать это.

Другой человек на его месте, пожалуй, обиделся бы. В характере Ромейна была врожденная кротость, проявлявшаяся даже в минуты сильнейшей нервной раздражительности.

Он взял меня за руку.

– Не сердитесь на меня, – просил он, – я постараюсь думать, как вы. Но будьте и вы снисходительны. Посмотрите, как я проведу сегодняшнюю ночь. Завтра утром я сообщу вам, что обещал сказать на пароходе. Согласны?

Конечно, пришлось согласиться. Комнаты, где мы спали, сообщались дверью. По его просьбе я оставил ее отворенной.

– Если окажется, что я не могу спать, – объяснил он мне, – то все-таки мне хочется сознавать, что в случае надобности я могу позвать вас.

Три раза я просыпался в эту ночь и, видя свет в его комнате, приходил к нему. Во время путешествия он всегда возил с собою несколько книг. И теперь я застал его за чтением.

– Должно быть, я выспался в вагоне, – сказал он, увидев меня. – Но это ничего, то, чего я боялся, не случилось. Я привык к бессонным ночам. Ложитесь и не беспокойтесь обо мне.

На следующее утро он снова отложил объяснение.

– Согласны вы подождать еще немного? – спросил он.

– Если хотите...

– Сделайте мне это одолжение. Вы знаете, что я не люблю Лондон. Уличный шум мешает мне заниматься. Кроме того, я должен сообщить вам, что шум стал мне еще неприятнее со времени... – он запнулся в замешательстве.

– С того времени, как вы смотрели в помещение машинного отделения? – спросил я.

– Да. Мне не хочется подвергать себя случайностям, оставаясь в Лондоне на вторую ночь. Я хочу оказаться в совершенной тишине. Не поедете ли вы со мной в Венж? Как ни скучно там, вы найдете себе развлечение: там, как вам известно, хорошая охота.

Час спустя мы выехали из Лондона.

VII

Аббатство Венж, по моему мнению, самое уединенное поместье в Англии. Если Ромейн нуждался в тишине, он не мог сделать лучшего выбора.

Возвышаясь в северной части Йоркшира, на одном из холмов дикой равнины, поросшей вереском, развалины старого монастыря видны со всех четырех сторон света. Предание рассказывает, что в то время, когда в аббатстве жили монахи, оно было окружено многочисленными деревнями и гостиницами для принятия богомольцев, стекавшихся со всех стран христианского мира.

От всех этих построек не осталось и следа. Набожные жители покинули свои жилища, как говорят, во времена Генриха VIII, который, уничтожив монастыри, отдал аббатство и обширные земли Венжа своему верному другу сэру Милу Ромейну. Сын и наследник Мили построил дом, пользуясь без стеснения материалом из крепких монастырских стен. За исключением некоторых незначительных изменений и переделок, дом стоит в прежнем виде и до сих пор.

На последней станции железной дороги нас ждали верховые лошади. Была прекрасная лунная ночь, и мы значительно сократили дорогу, проехав равнину по тропинке. В десятом часу мы прибыли в аббатство.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как я был в гостях у Ромейна, но ничто, казалось, не изменилось ни в доме, ни вокруг него. Добродушный северянин буфетчик и его жена, шотландка, казалось, несколько не постарели. Они встретили меня так, будто я уезжал дня на два и снова вернулся жить в Йоркшир. Мне приготовили мою прежнюю спальню, и безукоризненная старая мадера приветствовала нас, когда мы сошлись с хозяином в средней зале, служившей столовой.

Мы сидели друг против друга за хорошо сервированным столом, и я уже надеялся, что влияние его деревенского жилища начало действовать успокаивающим образом на расстроенную душу Ромейна. В присутствии своих старых верных слуг он, казалось, находил силу не поддаваться гнетущим угрызениям своей совести. Он говорил со слугами спокойно и ласково и выражал удовольствие, что снова видит в своем старом доме давнишнего друга.

Незадолго до окончания ужина случилось происшествие, испугавшее меня. Я только что передал вино Ромейну, и он наполнил свой стакан, но вдруг побледнел и поднял голову, будто прислушивался к чему-то неожиданному. В комнате не было никого, кроме нас, и я в эту минуту не говорил с ним. Он подозрительно оглянулся позади себя на дверь, ведущую в биб-

лиотеку, и позвонил в старинный колокольчик, стоявший возле него на столе. Когда вошел слуга, он приказал ему затворить дверь.

– Вам холодно? – спросил я.

– Нет. – Но, одумавшись, тотчас же дал другой ответ, совершенно противоречащий первому. – Да, вероятно, огонь в библиотеке погас.

Сидя по другую сторону стола, я видел огонь: камин был полон пылающих дров и угля. Я не сказал ничего. Его внезапная бледность и противоречивый ответ возбудили во мне подозрения, которые, как я надеялся, уже никогда более не вернутся ко мне.

Он оттолкнул свой стакан с вином и не спускал глаз с растворенной двери. Его поза и выражение лица указывали, что он прислушивался. К чему он мог прислушиваться?

Помолчав несколько минут, он вдруг спросил меня:

– По-вашему, сегодня тихая ночь?

– Такая тихая, какой только может быть, – отвечал я. – Нет ни малейшего ветра – даже огонь не трещит. Всюду полная тишина, в доме и на дворе.

– На дворе? – повторил он и неподвижно смотрел на меня, будто в уме его пробудилась новая мысль.

Я спросил его, как бы мимоходом, что удивило его в моих словах? Вместо ответа он вдруг вскочил с ужасным криком и выбежал из комнаты.

Я не знал, что делать, невозможно было, если он не вернется тотчас, не обратить внимание на его странный образ действия. Подождав минут пять, я позвонил.

Вошел старый буфетчик и с изумлением остановился перед пустым стулом.

– Где же барин? – спросил он.

Я сказал ему только, что Ромейн встал и, не произнеся ни слова, вышел из-за стола.

– Он, может быть, почувствовал себя дурно, – прибавил я. – Вы старый слуга, и недурно будет, если вы пойдете посмотреть, что с ним. Если он спросит меня, скажите, что я жду его здесь.

Минуты тянулись медленно, я так долго оставался один, что уже начал беспокоиться и взялся было за колокольчик, как кто-то постучался в дверь. Я думал, что это буфетчик, но в комнату вошел грум.

– Гарсвейт не может прийти к вам, сударь, – сказал он. – Он приказал сказать: не угодно ли будет вам взойти к нему на бельведер?

Дом, расположенный треугольником, был двухэтажный. Плоскую крышу, доступную благодаря нескольким террасам и окруженную каменным парапетом, называли бельведером, так как оттуда открывался прекрасный вид на окрестность. Опасаясь сам не зная чего, я взобрался по лестнице на крышу. Ромейн встретил меня резким, внезапным хохотом – грустным, притворным хохотом, под которым скрывается замешательство.

– Представьте себе! – закричал он. – Старик Гарсвейт, кажется, вообразил, что я пьян, и ни за что не хочет оставить меня одного.

Не отвечая на это странное замечание, буфетчик удалился. Проходя мимо меня, он шепнул:

– Приглядите за барином! Поверьте мне, сударь, к нему сегодня залетела под шапку пчела.

Хотя я сам родом не из северных местностей, но я знал значение этого выражения. Гарсвейт подозревал, что барин сошел с ума!

Когда мы остались одни, Ромейн взял меня под руку и начал медленно ходить взад и вперед по бельведеру. Месяц в это время стоял низко над горизонтом, но его мягкий, таинственный свет все еще лился на крышу дома и на высокую покрытую вереском местность вокруг него. Я внимательно смотрел на Ромейна. Он был смертельно бледен, его рука, лежавшая на моей, тряслась. Других признаков волнения я не замечал. Ни взгляд, ни манеры – ничто не ука-

зывало хоть на малейшее умственное расстройство. Быть может, какое-нибудь его слово или поступок напрасно встревожили верного слугу. Я решился тотчас же рассеять это сомнение.

– Отчего вы так внезапно ушли из-за стола? – спросил я. – Вы почувствовали себя дурно?

– Нет, я испугался, – отвечал он. – Посмотрите на меня: я и теперь еще не отделался от страха.

– Как мне понимать вас?

Вместо ответа он повторил свой давнишний странный вопрос:

– По-вашему, сегодня тихая ночь?

Принимая во внимание время года и положение дома, стоявшего на юру, – ночь была почти неестественно тиха. По всей обширной равнине вокруг дома не проносилось ни ветерка. Ночные птицы разлетелись или молчали. Когда мы остановились, прислушиваясь, до нас доносился один только звук – спокойное журчание речки, скрытой от взора в глубине долины к югу от дома.

– Я уже вам говорил, что не помню такой тихой ночи в йоркширской равнине, – отвечал я.

Он положил руку мне на плечо.

– Что сказал про меня бедный мальчик, брата которого я убил? Какие слова были слышны среди туманной измороси?

– Советую вам не думать об этих словах и отказываюсь повторить их вам.

– Мне все равно, повторите вы их или нет, я и в эту минуту слышу голос мальчика там, – отвечал он, указывая на северную часть парапета.

И он повторил ужасные слова, считая пальцем промежуток между ними, будто слышал звуки:

– Убийца! Убийца! Где ты?

– Боже мой! – воскликнул я. – Неужели вы в самом деле слышите голос?

– Вы слышите, что я говорю? Я так же ясно слышу мальчика, как вы меня. Голос доносится до меня через лунную ночь, как доносился сквозь морской туман. Вот опять. Я слышу его везде. Теперь там, где свет падает на вершину башни. Прикажите слуге, чтобы утром лошади были готовы. Завтра же уедем из Венжа.

Скажи он эти дикие слова не спокойным тоном, я был бы склонен разделить мнение буфетчика, что ум его не в порядке, но ни в голосе его, ни в манерах не видно было особенного волнения. Он говорил с меланхолической покорностью судьбе – будто узник, покоряющийся заслуженному приговору. Припоминая случаи нервного расстройства, когда больных преследовали призраки, я спросил его, не видит ли он воображаемой фигуры мальчика?

– Я ничего не вижу, – сказал он, – я только слышу. Посмотрите сами. Это в высшей степени невероятно, но мне хочется убедиться лично, что никто не последовал за мной из Булони и теперь не подшучивает надо мной.

Мы обошли бельведер. С восточной стороны дом прилегал к одной из башен старого аббатства. На западе холм круто спускался к глубокому пруду или канаве. С севера и юга видна была только обширная, покрытая вереском равнина. Куда я ни смотрел, при ярком свете луны нигде не поднялось ни одного живого существа, будто кругом нас было мертвое лунное царство.

– При переезде через канал вы тоже слышали голос мальчика? – спросил я.

– Да, я услышал его впервые там, где стояла машина, он то повышался, то понижался, как шум самой машины.

– Когда вы слышали его еще?

– Я боялся, что услышу его в Лондоне. Но он не преследовал меня более, иначе я бы сказал вам, когда мы высадились с парохода. Я опасался, что уличное движение снова вызовет его. Как вам известно, ночь прошла спокойно. Я уже начал надеяться, что был жертвой галлюцинации – как это обыкновенно называют. Но это была не галлюцинация. Здесь, среди полной

тишины, мне опять слышался голос. Даже когда мы сидели за столом, он снова раздался позади меня – в библиотеке. Когда дверь заперли, голос все-таки был слышен. Я выбежал сюда, чтобы испытать, будет ли он преследовать меня на открытом воздухе. Он последовал за мной. Следовательно, мы опять можем вернуться в залу. Теперь я знаю, что мне нигде не укрыться. Мой милый старый дом стал для меня ужасен. Вам все равно, когда вернуться в Лондон?

Мои личные чувства и опасения в этом случае не имели значения. По моему разумению, Ромейну следовало обратиться к одному из лучших докторов, и поэтому я серьезно стал поддерживать его в решимости вернуться в Лондон на другой день.

Мы сидели минут десять у камина в зале, когда Ромейн, вынув платок, стал вытирать пот, выступивший у него на лбу, и, вздохнув с облегчением, сказал слабым голосом:

– Он замолк!

– Когда вы слышите голос мальчика, он раздается постоянно? – спросил я.

– Нет, с промежутками, иногда большими, иногда меньшими.

– То вдруг зазвучит, то вдруг замолкнет?

– Да.

– Вам неприятны мои вопросы?

– Я не жалуюсь, – сказал он грустно, – и терпеливо переношу свое наказание.

Я стал возражать:

– Напрасно вы вбили себе это в голову. Это нервная болезнь, с которой сумеет справиться медицина. Как только приедем в Лондон, вы отправитесь к доктору!

Мое мнение не произвело на него никакого впечатления.

– Я лишил жизни своего ближнего, – сказал он, – и лишил будущности молодого человека, который – не будь меня – жил бы долго, счастливо и честно. Говорите, что хотите, я потомок Каина. У него была печать на челе, у меня есть свой крест. Утешайтесь, если хотите, тщетными надеждами. Я же теперь ни на что не надеюсь. Спокойной ночи.

VIII

На следующий день ранним утром старый буфетчик, не зная, что делать, зашел ко мне за советом.

– Сударь, пожалуйста, посмотрите на барина! У меня язык не поворачивается разбудить его.

Между тем, если сегодня нам ехать в Лондон, будить его уже было пора. Я вошел в его спальню. Не будучи доктором, я сознавал всю важность этого освежающего покойного сна и взял на себя ответственность за то, чтобы его не будили. Оказалось, что я поступил умно. Он проспал до полудня. Преследовавший его голос более не возвращался. Мы провели день спокойно. Один только случай, который я не могу обойти молчанием, нарушил мирное течение дня.

Мы вернулись с прогулки верхом. Ромейн ушел читать в библиотеку, а я осмотрел некоторые переделки в стойлах и только вышел во двор, как у ворот остановился шарабан, запряженный пони. Джентльмен, сидевший в шарабане, вежливо спросил, можно ли осмотреть дом. В Венже было несколько хороших картин и драгоценных остатков древности; во время отсутствия Ромейна дом показывали редким путешественникам, решавшим пробираться через покрытую вереском равнину, окружавшую аббатство. Незнакомцу сказали, что мистер Ромейн дома. Он стал извиняться, но с таким огорченным видом, что я подошел к нему и заговорил.

– Мистер Ромейн не совсем здоров, – сказал я, – и поэтому я не могу пригласить вас в дом. Не угодно ли вам будет пройти по саду и взглянуть на развалины аббатства?

Он поблагодарил меня и принял приглашение. Описать в общих чертах этого джентльмена нетрудно. Это был немолодой дородный господин, добродушный и веселый на вид; его

длинный черный сюртук, походивший на те, которые носит католическое духовенство, был застегнут на все пуговицы. Лицо его было гладко выбрито, и в глазах выражалась скромность, соединенная с пытливостью, – выражение, которое мы привыкли связывать с представлением о почтенной особе духовного звания.

К моему удивлению, местность оказалась ему несколько знакомой. Он направился прямо к маленькому озеру, смотрел на него с любопытством, совершенно непонятным для меня, сознаюсь, я наблюдал за ним. Он взобрался по откосу и вошел в калитку сада. Ни одно из украшений, придуманных садовником, не удостоилось его внимания. Он прошел по аллеям мимо кустарников и цветов и остановился у старого каменного фонтана, который, по преданию, был одним из украшений сада во время существования монастыря. Тщательно осмотрев остатки древности, он вынул из кармана лист бумаги и начал внимательно рассматривать его. Может быть, это был план дома и садов, а может быть, и нет – могу только сказать, что незнакомец пошел самой кратчайшей дорожкой к развалившейся церкви аббатства.

Оказавшись окруженным стенами церкви без крыши, он набожно снял шляпу. Я не мог следовать за ним далее, не рискуя обратить на себя внимание. Я сел на камень и стал ожидать его возвращения. Прошло около получаса, прежде чем он снова появился. Он поблагодарил меня за любезность таким спокойным тоном, будто ожидал встретить меня именно на этом самом месте.

– Все, виденное мною здесь, весьма заинтересовало меня, – сказал он. – Осмелюсь предложить вам немного нескромный вопрос для незнакомого...

Я в свою очередь любопытствовал узнать, в чем мог заключаться этот вопрос.

– Мистер Ромейн в самом деле счастлив, что владеет таким прекрасным поместьем. Он, кажется, еще молодой человек?

– Да.

– Женат?

– Нет.

– Извините мое любопытство. Владелец аббатства Венж интересная личность для такого антиквария, как я. Еще раз благодарю вас. Мое почтение.

Он уехал в своем шарабане, бросив последний взгляд... не на меня... а на аббатство.

IX

Мой рассказ о событиях приближается к концу.

На следующий день мы вернулись в гостиницу в Лондоне. По просьбе Ромейна я тотчас же послал к себе домой за письмами, пришедшими в мое отсутствие. Он не переставал думать о дуэли: ему до смерти хотелось узнать, не получено ли каких-нибудь известий от доктора-француза.

Когда посланный вернулся с моими письмами, на одном из них был штемпель Булони. По настоянию Ромейна, я открыл это письмо первым. Оно было подписано доктором.

С первых строк я понял, что одно мое опасение было устранено. После официальных справок французские власти решили, что не было повода для привлечения к суду противника, оставшегося в живых, ни один из присяжных, выслушав дело, не нашел бы его виновным в единственном преступлении, в котором его могли обвинить, – в «убийстве».

Неумышленное убийство во время дуэли не наказывается французскими законами. Мой корреспондент приводил несколько случаев в подтверждение этого, опираясь на публично выраженное мнение самого знаменитого Берриера. Одним словом, нам нечего было бояться.

На второй странице сообщалось, что полиция накрыла игроков, с которыми мы провели вечер в Булони, а униженная украшениями хозяйка была заключена под арест по обвинению в содержании игорного дома. В городе подозревали, что генерал более или менее прямо был

причастен к некоторым весьма щекотливым обстоятельствам, открывшимся следствию. Как бы то ни было, он вышел в отставку, уехал с женой и семейством из Булони и оставил после себя много долгов. Ниоим образом не удалось открыть, куда он направился.

Я прочел письмо вслух Ромейну, при последних строках он прервал меня.

– Вероятно, плохо справлялись, – сказал он. – Я сам наведу справки.

– Какой интерес могут они представлять для вас! – воскликнул я.

– Весьма большой, – отвечал он. – Я надеялся хоть в незначительной мере загладить свою вину перед бедным семейством, которое пережило из-за меня столько горя. Если жена и дети в плохих обстоятельствах – в чем, кажется, нет сомнения, – то я мог бы обеспечить их, конечно, оставаясь неизвестным. Дайте мне адрес доктора, я попрошу его произвести розыски за мой счет под видом того, что неизвестный друг желает быть полезным семейству генерала.

Это намерение показалось мне верхом неблагоразумия. Я высказал это, но совершенно бесполезно. Со своею обычною горячностью он тотчас же написал письмо и в тот же вечер отправил его.

Х

Точно такое же неблагоразумие выказал Ромейн в вопросе о совете с доктором – к чему я серьезно старался побудить его. Но в этом случае обстоятельства были за меня.

Последние силы леди Беррик истощились. Во время нашего пребывания в Венже ее, умирающую, привезли в Лондон. На третий день нашего пребывания в гостинице Ромейна призывали к тетке, и она умерла в его присутствии. Впечатление, произведенное ее смертью на моего друга, пробудило лучшие стороны его характера. Он стал менее доверять себе и легче поддавался увещаниям. Находясь в таком настроении, он очень обрадовался посещению старого друга, которого искренне любил. Посещение, само по себе не имевшее никакого особенного значения, привело, как я узнал позже, к весьма серьезным последствиям в жизни Ромейна. Поэтому я расскажу вкратце, что произошло в моем присутствии.

Лорд Лоринг – всем известный как глава древней английской католической фамилии и обладатель великолепной картинной галереи – был огорчен переменой, которую он заметил в Ромейне, посетив нас в гостинице. Я присутствовал при их встрече и намеревался уйти из комнаты, думая, что присутствие третьего лица могло стеснить двух друзей, но Ромейн остановил меня.

– Лорд Лоринг должен знать о случившемся со мной, – сказал он, – у меня не хватит духу рассказывать самому. Расскажите ему все, и если он будет одного мнения с вами, то я согласен посоветоваться с докторами.

Сказав это, он вышел.

Лорд Лоринг разделял мое мнение. Он также думал, что лучшим средством для излечения болезни Ромейна будет лечение его души.

– Исполняя предписания докторов, – сказал лорд, – лучше всего, по моему мнению, будет не давать нашему другу уходить в себя. Я считаю необходимым изменить уединенный образ жизни, который он вел в последние годы. Отчего бы ему не жениться? Женщина даст новое направление его мыслям и поможет заглушить ужасный голос, преследующий его. Вам это может показаться сентиментальным взглядом на вещи, но подумайте сами над моим предложением, и придете к тому же заключению. Имея такое прекрасное состояние, к которому теперь присоединилось еще наследство тетки, он обязан жениться. Вы не согласны со мной?

– Напротив, вполне согласен. Но я вижу серьезные препятствия на пути к исполнению плана вашего сиятельства. Ромейн не любит общества, а что касается женитьбы, его холодность к женщинам кажется мне неизлечимым недостатком его характера.

Лорд Лоринг засмеялся.

– Подобный недостаток всегда можно исправить, лишь бы найти подходящую женщину.

Тон, которым он говорил, заставил меня заподозрить, что он уже нашел эту «подходящую женщину», и я позволил себе спросить об этом. Он сразу признался, что я угадал.

– С Ромейном, как вы сами говорите, трудно иметь дело, – продолжал он. – Малейшая неосторожность может возбудить его подозрение, и тогда придется отказаться от всякой надежды быть полезным ему. Могу вам обещать, что буду действовать осмотрительно. К счастью, он, бедняга, любит картины! Ведь совершенно естественно, если я его приглашу посмотреть несколько новых картин, прибавившихся в моей галерее? Вот тут-то он и попадет в мою ловушку! У меня есть на примете прелестная девушка, которая гостит у нас: она не совсем здорова и немного расстроена. Когда нужно будет, я отправлю ее наверх. Может быть, она также заглянет в галерею – конечно, случайно – в то самое время, когда Ромейн будет там. Все остальное зависит от впечатления, произведенного девушкой. Если бы вы знали ее, я думаю, вы согласились бы со мной, что стоит попытаться.

Не зная девушки, я мало верил в успех опыта. Нельзя было сомневаться в расположении лорда Лоринга к его другу, и поэтому я должен был дать свое согласие.

По возвращении Ромейна было решено как можно скорее собрать консилиум. Заметив, что лорд Лоринг хочет что-то сообщить мне, я пошел проводить его до дверей гостиницы. Он, казалось, решил подождать заключения медиков, прежде чем испытать влияние очаровательной девушки, и желал предостеречь меня, чтобы я преждевременно не говорил нашему другу о посещении картинной галереи.

Не интересуясь подробностями маленького заговора, затеваемого почтенным джентльменом, я смотрел на карету и восхищался про себя двумя прекрасными лошадьми, которыми она была запряжена. Лакей отворил дверцу, и я в первый раз увидел, что с лордом Лорингом приехал еще господин, просидевший в карете во время визита лорда в гостиницу. Господин наклонился вперед и поднял глаза от книги, которую читал. К своему удивлению, я узнал немолодую, полную и добродушную фигуру духовного лица, оказавшегося таким сведущим в местоположении Венжа и проявившего к нему такой необыкновенный интерес.

Меня поразило странное стечение обстоятельств: я снова встретил этого человека в Лондоне так скоро после нашего свидания в Йоркшире. Вот все, что я подумал о нем в эту минуту. Если бы я знал тогда, что знаю теперь, я бы сбросил его в озеро в Венже и, вероятно, считал бы это обстоятельство самым счастливым в жизни.

Чтобы вернуться к моему рассказу, скажу теперь, что мое участие в нем, как очевидно, закончено. На следующий день после посещения лорда Лоринга домашние затруднения заставили меня расстаться с Ромейном. Я могу только прибавить, что все рассказанное мною до сих пор написано с полным сознанием своей ответственности и вполне соответствует правде.

Джон Филипп Гайнд, майор 110 полка в отставке.

Рассказ

Часть первая

I. Откровенный разговор

В одной из комнат верхнего этажа одного из роскошных домов в северной части Гайд Парка две дамы сидели за завтраком, пили чай и болтали.

Старшая дама была леди Лоринг, еще молодая особа, обладательница золотистых волос, ясных голубых глаз, прекрасного, нежного лица и развитого стана – качеств, обыкновенно составляющих принадлежность английской красоты. Ее собеседницей была неизвестная молодая леди, которой восхищался майор Гайнд во время переезда из Франции в Англию. Своими темно-каштановыми волосами, карими глазами и прозрачной бледностью лица, сменявшейся легким румянцем только в минуты волнения, она представляла совершенный контраст с леди Лоринг. Редко можно было встретить два столь противоположных типа красоты.

Слуга принес письма, полученные с утренней почтой. Леди Лоринг пробежала свою корреспонденцию и, оттолкнув пачку писем, налила себе вторую чашку чая.

– Нет ничего интересного, – сказала она. – Есть вести от твоей матери, Стелла?

Молодая девушка со слабой улыбкой подала ей распечатанное письмо.

– Прочти сама, Аделаида, – отвечала она необыкновенно нежным тоном, придававшим необычайную прелесть ее голосу, – и скажи мне, встречала ли ты когда-нибудь двух женщин, так непохожих между собой, как мать и я.

Леди Лоринг прочитала письмо так же быстро, как письма, адресованные лично ей.

«Никогда еще я не проводила время так весело, как в этом прелестном поместье. Каждый день за столом двадцать семь человек, не считая соседей... вечером танцы запросто... мы играем на бильярде и ходим в курильню, три раза в неделю охота с гончими... между гостями всякого рода знаменитости, в том числе несколько знаменитых красавиц... Какие туалеты! Разговоры!.. Но мы не пренебрегаем и серьезными обязанностями: в воскресенье торжественная обедня и хоральное пение в городе, вечером отрывки из "Потерянного Рая", читаемые любитеlem... О глупый, упрямый ребенок! Зачем ты не захотела ехать и осталась в Лондоне, когда могла бы сопровождать меня в этот земной рай?.. Ты в самом деле больна?.. Клянись леди Лоринг и, конечно, если ты больна, посоветуйся с доктором. Здесь все с таким участием справляются о тебе... но вот, я еще и вполтину не кончила своего письма, а звонят к обеду... Что мне делать?.. Почему нет со мной моей дочки, которая могла бы дать мне хороший совет...»

– Ты еще можешь изменить решение и отправиться к матери, чтобы давать ей советы, – заметила леди Лоринг с серьезной иронией, возвращая письмо девушке.

– Пожалуйста, не говори об этом! – воскликнула Стелла. – Не знаю, какое существование я не предпочла бы такой жизни, которой теперь наслаждается моя мать. Что бы я стала делать, если бы ты не предложила мне поселиться в этом доме, где мне так хорошо? Мой «земной рай» здесь, где мне ничто не мешает по целым дням рисовать или читать, где мне не нужно преодолевать свое нездоровье и нежелание ехать в гости, куда меня тащат, или, что еще хуже, выслушивать угрозы, что мать обратится за советом к доктору, в знания которого она так слепо верит, когда дело не касается ее самой. Что, если тебе взять меня в компаньонки и дать мне возможность провести здесь всю свою жизнь?

Веселое лицо леди Лоринг приняло серьезное выражение во время речи Стеллы.

– Милая моя, – сказала она ласково, – я знаю, как ты любишь уединение и как ты не похожа по взглядам и чувствам на прочих девушек твоих лет. Я не забываю, что грустные обстоятельства способствовали развитию твоих наклонностей. Но с тех пор, как ты гостишь у нас, я замечаю в тебе какую-то перемену, которую не могу себе объяснить, несмотря на все знание твоего характера. Мы друзья со школьной скамьи, и в те дни у нас не было секретов друг от друга. Ты беспокоишься о чем-нибудь или о ком-нибудь, не известном мне? Я не прошу твоей откровенности, но только передаю тебе, что заметила, и говорю тебе, что мне жаль тебя.

Она встала и деликатно переменила разговор:

– Я сегодня хотела выехать раньше обыкновенного, могу я быть тебе полезна? – спросила она, положив руку на плечо Стеллы и ожидая ее ответа.

Стелла взяла ее руку и поцеловала со страстной любовью.

– Не думай, что я неблагодарная, – сказала она, – мне только стыдно.

И, наклонив голову, она заплакала.

Леди Лоринг молча стояла возле нее. Она хорошо знала сдержанный характер девушки, только в минуты невыносимого горя позволявшей другим заметить свое страдание. Истинно глубокое чувство, скрывающееся под этой врожденной скромностью, чаще всего встречается в мужчинах. Многие женщины, обладающие им, лишены общительности, облегчающей их сердца. Это самые благородные, но вместе с тем часто и самые несчастные женщины.

– Можешь ты подождать минуту? – тихо спросила Стелла.

Леди Лоринг снова села на свое прежнее место и после минутного колебания подвинула стул к Стелле.

– Хочешь, чтобы я посидела с тобой?

– Да, сядь поближе. Ты сейчас упомянула о нашей жизни в пансионе, Аделаида. И тогда между нами была разница. Я была самой младшей из девочек, а ты, кажется, старшей или почти старшей?

– Да, я была старшей. Между нами десять лет разницы. Но почему ты возвращаешься к этому?

– Просто вспоминаю былое. В то время отец был еще жив. В первое время я скучала по дому и боялась больших девочек. Ты позволяла мне прятать лицо у тебя на плече и рассказывала мне сказки. Позволь мне и теперь спрятаться у тебя на плече и послушать тебя.

Теперь она была гораздо спокойнее своей старшей подруги, которая побледнела и молча, со страхом, смотрела на прекрасную головку, лежащую у нее на плече.

– Поверила бы ты когда-нибудь, что после всего, пережитого мною я способна еще думать о мужчине о мужчине, про которого ничего даже не знаю? – спросила Стелла.

– Душа моя, в этом нет ничего невозможного! Тебе всего двадцать три года. В то несчастное время, о котором и вспоминать тебе не следует, ты ни в чем не была виновата. Люби, Стелла, и будь счастлива, если только найдешь человека, достойного тебя. Но ты пугаешь меня, говоря о незнакомом человеке. Где ты встретила его?

– Возвращаясь из Парижа.

– Вы ехали в одном вагоне?

– Нет, мы встретились во время переезда через канал. На пароходе было мало пассажиров, иначе я никогда бы не заметила его.

– Он говорил с тобой?

– Даже не взглянул на меня.

– Это говорит не в его пользу.

– Ты не понимаешь меня, то есть я не так выразилась. Он шел под руку с другом и казался слабым и изнуренным сильной, продолжительной болезнью. На лице его выражалась ангельская кротость и такое терпение, такая покорность судьбе! Ради бога, не говори никому, что я тебе сказала! Говорят, мужчины иногда влюбляются с первого взгляда. Но женщине взглянуть

и влюбиться... какой стыд! А я не могла отвести глаз от него. Взгляни он на меня в свою очередь, я не знаю, на что бы была способна!.. Теперь я вся горю от стыда при воспоминании об этом. Но он целиком был занят своим горем и страданием. В последний раз я взглянула на него на набережной, перед тем как меня увезли. Его образ запечатлелся в моем сердце. Во сне я его вижу с такою же ясностью, как теперь вижу тебя. Не презирай меня, Аделаида!

– Милая моя, твой рассказ чрезвычайно заинтересовал меня. Как ты думаешь, этот господин из нашего круга? Я хочу сказать, джентльмен ли он?

– Без всякого сомнения.

– Постарайся описать его, Стелла. Он был высок и хорошо одет?

– Он ни высок, ни низок, худощав, все его движения грациозны, одет он был просто, но чрезвычайно изящно. Как описать его? Когда друг привел его на пароход, он стал у борта и задумчиво смотрел на море. Я еще ни у одного человека не встречала подобных глаз: они смотрели нежно и грустно, и цвет их был такой прекрасный и необыкновенный – сине-лиловый! Глаза эти слишком хороши для человека! То же я могу сказать и о волосах его, я видела их, когда он снял шляпу, – должно быть, голова его нагрелась на солнце и он хотел освежить ее морским ветерком. Светло-каштановый цвет их чуть-чуть отливал красивым красноватым оттенком. Борода его была такого же цвета – короткая и вьющаяся, как на портретах римских героев. Я его никогда более не увижу... и лучше, если не увижу. Что мне следует ждать от человека, даже не взглянувшего на меня? Однако мне было приятно слышать, что здоровье и спокойствие вернулись к нему и что он счастлив. Мне стало легче, потому что я смогла открыть тебе свое сердце. Я даже полна решительности признаться тебе во всем. Ты будешь смеяться надо мной, если я...

Она остановилась. Ее бледные щеки покрылись легким румянцем, большие темные глаза засветились – и она стала еще прекраснее.

– Мне скорее хочется плакать, чем смеяться над тобой, Стелла, – сказала леди Лоринг. – По-моему, в твоём приключении есть одно весьма грустное обстоятельство. Мне бы хотелось узнать, кто этот незнакомец. Даже наилучшее описание не дает полного представления о действительности.

– Я хотела показать тебе вещь, которая поможет составить верное представление о нём. Это еще одно признание моего безумия, – продолжала Стелла.

– Неужели у тебя есть его портрет? – воскликнула леди Лоринг.

– Да, я нарисовала его, как могла, по памяти, – грустно отвечала Стелла.

– Принеси его мне.

Стелла вышла из комнаты и вернулась с маленьким портретом, набросанным карандашом. Взглянув на него, леди Лоринг тотчас же узнала Ромейна и с многозначительным видом опустила глаза.

– Ты знаешь его! – воскликнула Стелла.

Леди Лоринг оказалась в неприятном положении. Ее муж рассказал о своем свидании с майором Гайндом, заручившись обещанием жены сохранить тайну, и упомянул о своем намерении устроить встречу между Ромейном и Стеллой. После сделанного ею открытия она считала себя вдвойне обязанной не выдавать вверенной ей тайны, и это после того, как она выдала себя Стелле! С кошачьей сообразительностью, свойственной женщине во всех случаях, когда надо что-нибудь скрыть, кого-нибудь обмануть, она приняла решение и отвечала просто, не задумываясь ни на минуту:

– Да, я видела его, – сказала она, – вероятно, где-нибудь в обществе. Но я вижу столько людей и мне так часто приходится выезжать, что сразу не могу припомнить, кто этот джентльмен. Если ты не имеешь ничего против, я обращусь за помощью к мужу, он, может быть, поможет нам.

Стелла выхватила портрет у нее из рук.

– Неужели ты скажешь лорду Лорингу! – воскликнула она.

– Как могло это прийти тебе в голову, дурочка? Разве нельзя показать ему портрет, не говоря, кто его нарисовал? У него память, вероятно, лучше моей. Если я спрошу его: «Где мы встречали этого господина?», то, очень может быть, он сразу скажет мне это и даже вспомнит его фамилию. Конечно, если желаешь остаться в неизвестности, то тебе стоит только сказать об этом. Решайся же.

Бедная Стелла тотчас уступила. Она возвратила рисунок и с любовью поцеловала свою догадливую подругу. Получив возможность посоветоваться с мужем, не возбуждая подозрения, леди Лоринг вышла из комнаты.

В это время лорда Лоринга можно было найти в библиотеке или в картинной галерее. Жена его отправилась сначала в библиотеку.

Но здесь она нашла только одного человека – не того, кого искала. Там, окруженный всевозможными книгами, сидел в длинном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, тучный пожилой патер, внушивший такое отвращение майору Гайнду.

– Извините, отец Бенвель, – сказала леди Лоринг, – я помешала вам?

Отец Бенвель встал и поклонился с приятной улыбкой.

– Я только пробую привести в порядок библиотеку, – сказал он просто. – Книги – хорошие товарищи, точно родные, для одинокого старика-священника, как я. Чем я могу служить вашему сиятельству?

– Благодарю вас, отец. Не можете ли вы сказать мне, где лорд Лоринг?

– Могу. Пять минут назад его сиятельство был здесь, теперь он в картинной галерее. Позвольте я позову его.

Необыкновенно легкими и мягкими шагами для мужчины его лет и сложения он отошел в глубь библиотеки и отворил дверь в галерею.

– Лорд Лоринг один среди картин, – сообщил он, произнося последние слова с ударением, которое могло повлечь за собой дальнейшие объяснения, а могло и не повлечь, если на него смотрели домашние как на духовного пастыря.

Леди Лоринг произнесла только: «Это мне и надо, еще раз благодарю вас, отец Бенвель», – и прошла в картинную галерею.

Оставшись снова один в библиотеке, патер начал задумчиво ходить взад и вперед по комнате. Лицо его приняло отпечаток скромной силы воли и решимости. Опытный наблюдатель ясно увидел бы теперь в нем привычку повелевать и способность заставлять себе повиноваться. Отец Бенвель был одним из тех драгоценных борцов церкви, которые не признают возможности поражения и высоко ценят каждую победу.

Через минуту он снова вернулся к столу, за которым писал, когда вошла леди Лоринг. На столе лежало неоконченное письмо.

Он снова взялся за перо и закончил письмо следующими словами:

«Поэтому я решился передать это серьезное дело в руки Артура Пенроза. Я знаю, он молод, но его юность уравновешивается его неподкупной честностью и истинным религиозным рвением. Теперь у меня под руками нет никого лучше, а времени терять нельзя. Ромейн получил недавно огромное наследство.

Он будет предметом самых низких домогательств: мужчины будут стараться завладеть его деньгами, а женщины – еще того хуже – будут стремиться женить его на себе. Эти предосудительные стремления могут служить препятствием на пути к достижению наших праведных целей, если мы не захватим поле битвы первыми. Пенроз выехал из Оксфорда на прошлой неделе. Преподав ему необходимые наставления и изыскав средства представить его Ромейну под благовидным предлогом, я буду иметь честь препроводить к вам отчет о нашем деле».

Подписавшись, он написал на письме адрес: «Высокопочтенному секретарю общества Иисуса в Риме».

Не успел он заклеить и запечатать конверт, как слуга, отворив дверь залы, доложил:

– Мистер Артур Пенроз.

II. Иезуиты

Отец Бенвель поднялся и приветствовал гостя с отеческой улыбкой.

– От души рад видеть вас, – сказал он, протягивая руку с достоинством и радушием.

Пенроз почтительно поднес поданную руку к губам. Как провинциальный начальник ордена, отец Бенвель занимал высокое положение среди английских иезуитов. Он привык к выражению почтения со стороны младших братьев.

– Здоровы ли вы, Артур? – спросил он ласково. – У вас руки горячие.

– Благодарю вас, отец... я здоров, как обыкновенно.

– Может быть, упали духом? – продолжал отец Бенвель.

Пенроз принял замечание с легкой улыбкой.

– Я никогда не бываю особенно бодр, – ответил он.

Отец Бенвель покачал головой в знак легкого неодобрения упадка духа молодого человека.

– От этого надо избавиться, – заметил он. – Старайтесь быть веселее, Артур. Я по природе, слава Богу, человек веселого нрава. Моя душа служит как бы благородным отражением блеска и красоты, составляющих часть великой схемы творения. Подобную способность можно развивать – я видал примеры этого. Постарайтесь и вы, этим вы меня действительно обрадуете. Не ободрить ли вас еще одним сообщением? Вам хотят оказать великое доверие. Старайтесь быть приятным в обществе, иначе вы не оправдаете возложенного на вас доверия. Вот вам маленькое поучение от отца Бенвеля. Оно по крайней мере имело одно достоинство – было неумолимо.

Пенроз поднял глаза на своего начальника, горя нетерпением услышать, что тот скажет дальше.

Он был молодой человек. Его большие, задумчивые, красиво прорезанные глаза, всегда изящные и скромные манеры придавали особую привлекательность, в которой нуждалась его наружность. Он был высок и худ, волосы на его голове преждевременно поредели, образуя глубокие залысины, щеки впали, и по обе стороны тонких изящных губ залегли две складки. Он был похож на человека, прошедшего много печальных часов в сомнениях и разочарованиях. При всем том в нем было что-то правдивое и откровенное, такое искреннее признание собственной неправоты, когда ему случалось заблуждаться, что люди привязывались к нему совершенно безо всяких усилий с его стороны, часто даже так, что он сам того не знал. Что бы сказали его друзья, если бы узнали, что религиозным энтузиазмом и отсутствием сомнений этого мягкого, меланхолического молодого человека воспользовались для достижения преступных целей?! Подобное известие возбудило бы негодование каждого из его друзей, и сам Пенроз, услышав его, быть может, в первый раз в жизни, вышел бы из себя.

– Могу я задать один вопрос, не рискуя быть нескромным? – спросил он робко.

Отец Бенвель взял его за руку.

– Милый Артур, откроем друг другу наши сердца без утайки. Что вы хотите спросить?

– Вы сказали, отец, что мне хотят доверить важное поручение?

– Да, и вы, без сомнения, желаете поскорее узнать, в чем дело?

– Мне, во-первых, хотелось бы знать, потребуют ли от меня возвращения в Оксфорд?

Отец Бенвель выпустил руку своего друга.

– Вам не нравится Оксфорд? – спросил он, внимательно наблюдая за Пенрозом.

– Простите меня, отец, если я говорю слишком откровенно. Мне не нравится обман, принуждавший меня скрывать, что я католик и священник.

Как священнослужитель, могущий извинить неблагоприятные рассуждения, отец Бенвель успокоил его:

– Мне кажется, Артур, вы забыли о двух важных обстоятельствах, которые следует принять во внимание, – сказал он. – Во-первых, у вас сейчас отпуск, который снимает с вас всякую ответственность за то, что вы скрывались. Во-вторых, только в качестве... ну, скажем, в качестве независимого наблюдателя вы могли собрать необходимые для нашей церкви сведения о ее тайных успехах в университете. Но все-таки я успокою вас, я не вижу причин скрывать от вас, что вы уже не возвратитесь в Оксфорд. Вам это приятно слышать?

В этом не было никакого сомнения. Пенроз вздохнул свободнее.

– В то же время, – продолжал отец Бенвель, – пусть между нами не будет никакого недоумения. В новой деятельности, указываемой вам, вы не только можете, но даже должны открыто признавать себя католиком. Вы по-прежнему будете одеваться в светское платье и держать в строгой тайне свою принадлежность к духовному сану, пока я не сделаю вам дальнейших указаний. Теперь, милый Артур, прочтите эту бумагу. Это необходимое предисловие к тому, что я намереваюсь сообщить вам.

«Бумага» состояла из нескольких рукописных страниц, на которых излагалась история аббатства Венж со времени существования монастыря и обстоятельства, при которых оно было конфисковано во времена Генриха Восьмого. Пенроз возвратил рукопись, страстно выражая свою симпатию к монахам и ненависть к королю.

– Успокойтесь, Артур, – сказал отец Бенвель, приятно улыбаясь. – Мы вовсе не намерены навсегда оставлять победу за Генрихом Восьмым.

Пенроз с изумлением смотрел на своего начальника. Но этот последний воздержался пока от всяких дальнейших объяснений.

– Всеу свой черед, – начал сдержанно патер, – черед объяснений еще не подошел. Я покажу вам еще кое-что. Это один из самых интересных памятников древности в Англии. Взгляните.

Он отпер плоский ящик красного дерева и вынул пергаментную грамоту, по-видимому, весьма древнюю.

– Вы выслушали недавно небольшое поучение, – сказал он, – выслушайте теперь небольшой рассказ. Вы, вероятно, слышали о Ньюстедском аббатстве, известном почитателям стихов как место жительства Байрона? Король Генрих поступил с Ньюстедом совершенно так же, как с Венжем! Много лет назад в Ньюстедское озеро закинули сеть и на дне нашли медного орла, лежавшего там много столетий и служившего некогда в церкви хранилищем. Внутри орла был скрыт потайной ящик, и в нем найдены древние владетельные грамоты аббатства. Монахи, как правило, прятали документы, доказывающие их права и преимущества, в надежде – едва ли надо прибавлять, совершенно тщетной, – что наступит время, когда правосудие возвратит им все имущество, отнятое у них. Прошлым летом один из наших епископов, управляющий одной из северных епархий, случайно разговорился об этом обстоятельстве со знакомым, преданным католиком, и высказал свое предположение, что монахи Венжа могли принять те же предосторожности, что и монахи Ньюстед. Надо вам сказать, что знакомый был энтузиаст. Не говоря ничего епископу, положение и ответственность которого он должен был уважать, он сообщил свой план верным людям, и в одну прекрасную ночь, когда теперешний законный или, лучше сказать, незаконный владетель отсутствовал, они тайком спустили в озеро Венж сеть и оказалось, что предположения епископа были справедливыми. Прочтите эти драгоценные документы. Зная вашу честность, сын мой, и утонченность ваших чувств, я желаю, чтобы вы на неоспоримых фактах убедились в праве, которое церковь имеет на владение Венжем.

После этого предисловия он остановился, ожидая, пока Пенроз прочтет документ.

– Осталось ли еще сомнение в вашей душе? – спросил он, когда Пенроз окончил чтение.

– Ни тени сомнения.

– Ясно ли право церкви на владение этим поместьем?

– Ясно, насколько возможно выразить словами.

– Хорошо. Мы спрячем документ. Закон не допускает самовольного отчуждения, если бы даже оно было произведено королем. Что некогда составляло законную собственность церкви, то она всегда имеет право получить обратно. Вы не сомневаетесь в этом?

– Нет, но думаю только, каким способом она может получить это обратно? Можно ли ожидать в этом случае какого-нибудь содействия от закона?

– Нет, никакого.

– А между тем, отец, вы говорите, будто предвидите возможность возвращения имущества. Какими средствами этого можно будет достигнуть?

– Мирными и достойными мерами, – отвечал отец Бенвель, – возвращением конфискованного имущества церкви лицом, ныне владеющим имением.

Пенроз был удивлен и заинтересован.

– Нынешний владелец католик? – спросил он поспешно.

– Нет еще.

Отец Бенвиль особенно многозначительно произнес эти два коротеньких слова. Он спокойно барабанил толстыми пальцами по столу, а зоркие глаза выжидательно были обращены на Пенроза.

– Вы, конечно, понимаете меня, Артур? – прибавил он после паузы.

Краска медленно разлилась по истощенному лицу Пенроза.

– Я боюсь понять вас.

– Почему?

– Я уверен, что мои лучшие чувства понимают вас. Но я боюсь, отец, это, быть может, только тщеславие и самомнение с моей стороны.

Отец Бенвель спокойно откинулся на спинку кресла.

– Мне нравится эта скромность, – сказал он, с наслаждением причмокивая губами, будто скромность была для него все равно что вкусное кушанье. – Под недоверием к себе, делающим вам честь, скрывается настоящая сила. Я более чем когда-либо рад, что не ошибся, указав на вас как на человека, достойного такого серьезного поручения. Я думаю, что обращение владельца аббатства Венж в католическую религию в ваших руках и не более как вопрос времени.

– Можно узнать его имя?

– Конечно. Его зовут – Луис Ромейн.

– Когда вы представите меня ему?

– Невозможно сказать. Я еще сам не знаком с ним.

– Вы не знаете мистера Ромейна?

– Никогда не видал его.

Этот неутешительный ответ был произнесен со спокойствием, свойственным человеку, который ясно видит путь, предстоящий ему. Переходя от одного изумления к другому, Пенроз решился задать последний вопрос:

– Каким образом мне сойтись с мистером Ромейном?

– Я отвечу вам откровенно. Мне неприятно говорить о себе, – сказал отец Бенвель с самой подобающей скромностью, – но это теперь необходимо. Не выпить ли нам кофе, чтобы очерк автобиографии отца Бенвеля не показался вам слишком скучным? Не смотрите так серьезно, сын мой! Будем, по возможности, брать светлую сторону жизни.

Он позвонил и тоном хозяина приказал подать кофе. Слуга относился к нему с совершеннейшим почтением. В ожидании кофе отец Бенвель напевал что-то и говорил о погоде.

– Вам класть много сахара? – спросил он, когда кофе подали. – Нет? И в мелочах я бы желал, чтобы между нами существовала полная симпатия. Я сам люблю много сахара.

Приготовив с полным вниманием свой кофе и положив в него достаточное количество сахара, он наконец дал обещанное объяснение своему другу. Он сделал это так легко и весело, что даже менее терпеливый человек, чем Пенроз, выслушал бы его с интересом.

III. Представление Ромейну

– За исключением моих занятий здесь, в библиотеке, – начал отец Бенвель, – и редких интересных разговоров с лордом Лорингом, о которых я сейчас расскажу подробнее, я в этом доме почти такой же чужой, как вы сами, Артур. Когда всерьез задумались над проектом, который я только что изложил вам, я имел честь лично познакомиться с лордом Лорингом. Я узнал также, что он близкий друг Ромейна и пользуется его полным доверием. При этих обстоятельствах его сиятельство являлся тем средством, что позволит нам сблизиться, не возбуждая недоверия, с владельцем аббатства Венж, поэтому мне было поручено близко сойтись с членами здешней семьи. Для того чтобы освободить здесь место для меня, духовнику лорда и леди Лоринг была поручена другая паства в Ирландии. И вот я на его месте! Кстати, не обращайтесь ко мне в присутствии посторонних ни с какими особыми знаками уважения. В доме лорда Лоринга я не провинциальный начальник нашего ордена, а простой подчиненный.

Пенроз смотрел на него с восторгом.

– Это большая жертва с вашей стороны. В вашем сане и в ваши годы!

– Вовсе нет, Артур. В положении начальника часто представляются искушения нашей гордости. Такую перемену я считаю полезным для себя уроком в унижении. Например, леди Лоринг, как я ясно вижу, не любит меня и не доверяет мне. Кроме того, здесь с некоторого времени гостит одна молодая девушка. Она протестантка, разделяющая все предрассудки, связанные с ее образом мыслей, и бедняжка так тщательно избегает меня, что я еще ни разу не видал ее. Такие унижения – очень полезное напоминание о слабости человеческой природы для человека, занимающего высокое и важное положение. Кроме того, я встретил на своем пути препятствия, которые способствовали возбуждению моей энергии. Артур, как на вас действуют препятствия?

– Я стараюсь преодолеть их, отец, но часто чувствую, что теряю мужество.

– Странно, – сказал отец Бенвель, – а я чувствую только нетерпение. Какое право имеет препятствие возникать на моем пути? Вот как я смотрю на это. Например, первое, что я услышал по прибытии сюда, было, что Ромейн уехал из Англии. Мое знакомство с ним отодвинулось на неопределенное время, но я не пал духом – я обратился к лорду Лорингу за всеми подробностями, которые мне необходимо было знать о Ромейне и его привычках.

Встретилось другое препятствие: не имея квартиры в доме, я должен был найти предлог быть постоянно здесь, всегда готовый воспользоваться минутами досуга лорда Лоринга для разговоров с ним. Я сел в этой комнате и сказал себе: «Прежде чем опять встану, эти дерзкие препятствия должны быть устранены».

Состояние библиотеки дало мне желанный предлог. Еще до моего ухода мне поручили привести библиотеку в порядок. С этой минуты я прихожу и ухожу, когда мне угодно. Когда у лорда Лоринга возникало желание поговорить, я всегда был тут, чтобы направить разговор в нужное русло. И что же в результате? Как только появится Ромейн, я сразу смогу предоставить вам возможность сблизиться с ним. И все это благодаря тому, что я не выношу препятствий. Не правда ли, это даже смешно?

Но, вероятно, Пенроз был лишен чувства юмора: вместо того, чтобы смеяться, он, казалось, желал знать дальнейшие подробности.

– Каким образом могу я сблизиться с мистером Ромейном? – спросил он.

Отец Бенвель налил себе еще кофе.

– Не желаете ли вы, чтобы я прежде сказал вам, как благодаря обстоятельствам мы можем надеяться на обращение Ромейна? Он молод и холост, у него нет никакого неподходящего знакомства, он романтичен, чувствителен, чрезвычайно образован.

У него нет близких родственников, которые могли бы оказывать на него влияние, и я точно знаю, что его имение никому не отказано. В продолжение последних нескольких лет он весь отдался книгам и собирает материалы для сочинения «О происхождении религий», требующего громадных изысканий. Глубокая печаль или угрызения совести – лорд Лоринг не объяснил, что именно, – серьезно повлияли на его нервную систему, уже расстроенную ночными занятиями. Прибавьте к тому, что теперь он недалеко от нас.

Он недавно вернулся в Лондон и живет один в гостинице. По какой-то причине, не известной мне, он не хочет жить в Венже, где, по моему мнению, человек занимающийся должен бы чувствовать себя лучше всего.

Пенроз начал с интересом прислушиваться.

– Вы были в аббатстве? – спросил он.

– Я недавно был в этой части Йоркшира. Если бы не грустные воспоминания, связанные с развалинами и осквернением святого места, эта поездка была бы весьма приятной. Имение дает, без сомнения, значительный доход?

Я знаю цену доходной части имения, простирающейся на юг за бесплодной местностью, окружающей дом. Возвратимся на минуту к Ромейну и к вашему положению в качестве его компаньона. Он велел прислать книги из Венжа и убедил себя, что усидчивые занятия – единственное средство успокоить его душевную тревогу, от чего бы она ни происходила. По настоянию лорда Лоринга на днях был консилиум...

– Он так болен? – воскликнул Пенроз.

– Да, кажется, – отвечал отец Бенвель. – Лорд Лоринг хранит таинственное молчание о его болезни. Мне удалось узнать от него только одно заключение консилиума: доктора запретили ему заниматься начатым им сочинением. Он слишком упрям, чтобы последовать этому совету. Докторам удалось добиться от него только одной уступки: он согласился немного пощадить себя, взяв себе в помощники секретаря, и поручил лорду Лорингу найти подходящего человека. Его сиятельство посоветовался со мной и даже просил меня принять это дело на себя. Каждому своя сфера деятельности, сын мой! Человек, который примется за обращение Ромейна, должен быть достаточно молод и гибок, чтобы стать его другом и товарищем. Вы, Артур, человек, как раз подходящий для этого, вы будете его секретарем. Как вам нравится подобный план?

– Извините, отец, но мне кажется, я недостоин доверия, оказываемого мне.

– Почему?

– Я боюсь, что не оправдаю вашего высокого мнения обо мне, – сказал он, – если не буду чувствовать, что тружусь над обращением мистера Ромейна ради его собственной души. Как ни праведно подобное дело, но я не могу видеть в возвращении церкви ее собственности достаточной побудительной причины для того, чтобы стараться убедить его переменить веру. Ответственность, возлагаемая вами на меня, настолько серьезна, что если я не предамся всем сердцем своей задаче, я изнемогу под ее тяжестью. Если, увидев мистера Ромейна, я почувствую к нему влечение, если это влечение будет все усиливаться и я, наконец, полюблю его, как брата, тогда, правда, я могу обещать, что это обращение сделается самой дорогой задачей моей жизни. Но если между нами этой симпатии не будет – простите, что я прямо говорю это, – то умоляю вас передать это дело в другие руки.

Голос его задрожал, и глаза наполнились слезами. Отец Бенвель заметил волнение своего молодого друга и посмотрел на него глазами искусного рыболова, которому кажутся забавными старания живой рыбки освободиться от удочки.

– Хорошо, Артур! – произнес он. – Мне часто приходится встречаться с людьми, слишком много думающими о себе.

Ваша речь так же освежает меня, как жаждущего освежает глоток воды. В то же время мне кажется, что вы создаете препятствия там, где их нет. Я только что упомянул, что вы должны подружиться с Ромейном. Дружба немыслима, если между вами не будет той симпатии, которую вы так хорошо описали. Я сангвиник и уверен, что вы понравитесь друг другу. Подождите, пока увидите его.

В эту минуту отворилась дверь из картинной галереи и лорд Лоринг вошел в библиотеку.

Он быстро осмотрелся, видимо, ища кого-то в комнате. По его лицу промелькнул лучик досады, но снова исчез, когда он поклонился двум иезуитам.

– Извините, – сказал он, глядя на Пенроза. – Это тот господин, который берется помогать мистеру Ромейну?

Отец Бенвель представил своего молодого друга.

– Артур Пенроз, милорд. Я решился пригласить его сегодня сюда на случай, если вы пожелаете задать ему какие-нибудь вопросы.

– Совершенно излишне после вашей рекомендации, – приветливо отвечал лорд Лоринг. – Мистер Пенроз пожаловал как нельзя кстати. Мистер Ромейн посетил нас сегодня, сейчас он в картинной галерее.

Священники переглянулись. Сообщив им о визите Ромейна, лорд Лоринг направился к противоположной двери библиотеки, отворил ее, посмотрел в залу и на лестницу, и снова на его лицо легла тень досады.

– Господа, пойдемте в галерею, – сказал он, – я буду иметь удовольствие представить вас мистеру Ромейну.

Пенроз принял предложение. Отец Бенвель с улыбкой указал на книги, разбросанные вокруг него.

– Если позволите, через минуту я последую за вами, – сказал он.

«Кого искал здесь милорд?» – вот вопрос, вертевшийся в уме отца Бенвеля в то время, когда он расставлял книги на полках и собирал разбросанные по столу бумаги, касавшиеся его римской корреспонденции. У него вошло в привычку подозрительно относиться ко всему, что происходило в его присутствии и чему он не мог найти объяснений. В этом случае он, вероятно, задал бы себе этот вопрос не так спокойно, если бы знал, что в противовес заговору, составленному против Ромейна в библиотеке и имевшему целью его обращение в католическую веру, в картинной галерее составляется другой заговор: женить его.

Рассказ леди Лоринг о разговоре со Стеллой побудил ее мужа провести свой опыт безотлагательно.

– Я сейчас же напишу Ромейну, – сказал он.

– И сегодня же пригласишь его? – спросила леди Лоринг.

– Да. Я скажу, что мне очень хотелось бы посоветоваться с ним насчет одной картины. Следует ли предупреждать Стеллу о его посещении или лучше устроить свидание неожиданно для нее?

– Нет, лучше предупредить, – сказала леди Лоринг. – При ее впечатлительности я боюсь неожиданности для нее. Надо сказать ей только, что Ромейн – оригинал ее портрета и что он, может быть, сегодня придет осмотреть вашу картину, – остальное предоставьте мне.

План леди Лоринг был тотчас приведен в исполнение. В минуту первого волнения Стелла объявила, что не чувствует в себе силы сегодня же встретиться с Ромейном. Успокоившись немного, она уступила убеждениям леди Лоринг и согласилась последовать за ней в галерею.

– Если я войду с вами вместе, – сказала она, – то будет казаться, будто мы сговорились. Этого я не могу перенести. Лучше я зайду одна, будто случайно.

Когда доложили о приезде Ромейна, леди Лоринг, согласившись с предложением своей подруги, пошла в галерею одна. Время шло, а Стелла не показывалась. Очень возможно, что она не решалась войти через главную дверь в галерею и предпочитала проскользнуть через дверь библиотеки, не зная о присутствии там священников. Не найдя ее там, но встретив в библиотеке Пенроза, лорд Лоринг ускорил знакомство младшего из двух иезуитов с Ромейном.

Собрав свои бумаги, отец Бенвель подошел к высокому стрельчатому окну, освещавшему комнату, и открыл свой ящик для писем, стоящий на маленьком столике в углублении окна. Здесь он был не виден для выходивших из залы.

Он спрятал свои бумаги в ящик и только успел затворить и запереть его, как услышал шорох осторожно открываемой двери.

В следующую минуту до его слуха донеслось шуршание платья по ковру. Другой вышел бы из своего убежища, но отец Бенвель остался где был, пока не потерял из виду вошедшую девочку.

Патер с напряженным вниманием смотрел на ее чудесные темные глаза и волосы, на быстро изменяющийся цвет ее щек, на необычайную грацию ее движений. Медленно и с явным волнением подошла она к двери картинной галереи и остановилась, будто боясь отворить ее. Отец Бенвель слышал, как она со вздохом сказала:

– Как мне встретиться с ним?

Затем отошла в сторону, к зеркалу над камином. Отражение ее прелестного лица, казалось, придало ей мужества. Она направилась обратно к двери и отворила ее. Лорд Лоринг, вероятно, был недалеко в эту минуту. Его голос сейчас же раздался в библиотеке:

– Войдите, Стелла, войдите! Здесь новая картина и мой друг, которого я желал бы представить вам и с которым, я надеюсь, вы подружитесь, – мистер Луис Ромейн.

Дверь снова затворилась. Отец Бенвель стоял тихо, как статуя, в своем убежище, опустив голову и погружившись в мысли. Минуту спустя он снова вернулся к письменному столу. С поспешностью, не свойственной его обычно медлительной натуре, он схватил лист бумаги из ящика и, нахмурившись, написал следующие строки:

«Уже запечатав письмо, я сделал открытие, которое должен сообщить вам, не теряя времени. Я очень боюсь, что нам придется встретиться на нашем пути с женщиной. Но не беспокойтесь, я справлюсь и с этим препятствием, как справлялся с другими. Пока дело продвигается. Пенроз получил первые наставления и сегодня был представлен Ромейну».

И это письмо, так же как предыдущее, он адресовал в Рим.

– Теперь примемся за женщину, – сказал он и отворил дверь в картинную галерею.

IV. Отец Бенвель попадает в цель

Искусство испытывает неудачи так же, как имеет свои триумфы. Оно не может оградить себя от мелких интересов повседневной жизни. Самое образцовое сочинение, самая лучшая картина напрасно расточают свое влияние на умы, поглощенные пустыми или скрытными заботами. Когда отец Бенвель вошел в картинную галерею, из всех присутствующих только для одного человека картины не составляли вымышленного предлога.

Не подозревая ничего о борьбе противоположных интересов, центром которых он являлся, Ромейн внимательно осматривал картину, послужившую предлогом для его приглашения в дом. Он поклонился Стелле, спокойно созерцая ее красоту, пожал руку Пенрозу, сказав несколько ласковых слов своему будущему секретарю, а затем снова сосредоточил свое внимание на картине, будто Стелла и Пенроз с этой минуты перестали занимать его.

– Будь я на вашем месте, – сказал он лорду Лорингу, – я не купил бы эту картину.

– Почему?

– По-моему, в ней есть серьезный недостаток, характеризующий новейшую английскую школу. Полное отсутствие мысли в передаче сюжета, скрывающееся под искусными техническими уловками кисти. Если вы видели одну из картин этого живописца, вы видели их все. Он изготавливает их, а не рисует.

В ту минуту, когда Ромейн говорил это, отец Бенвель вошел в галерею. При церемонии представления владельцу Венжа он держал себя чрезвычайно вежливо, но немного рассеянно. Его занимала только одна мысль, как увериться в правильности его подозрений относительно Стеллы. Не ожидая представления, он обратился к ней с выражением отеческого интереса и сдержанного скромностью восхищения, которое умел принимать в разговорах с женщинами.

– Могу я спросить, согласны ли вы с мнением мистера Ромейна о картине? – спросил он самым мягким тоном.

Она слышала о нем и знала его положение в доме. Представление, сделанное шепотом леди Лоринг: «Отец Бенвель, душа моя!», было для нее совершенно излишним. Ее антипатия предостерегала ее от этого человека.

– Я не имею оснований быть критиком, – отвечала она с холодной вежливостью. – Я могу только определить, что мне нравится или не нравится.

Этот ответ как нельзя больше соответствовал планам отца Бенвеля. Он отвлек внимание Ромейна от картины и переключил его на Стеллу. Патер воспользовался этим обстоятельством для того, чтобы отметить выражение их лиц, когда они смотрели друг на друга.

– Мне кажется, вы нашли основание для всякой критики, – сказал Ромейн Стелле. – Выражая в разговоре свое мнение о книгах и картинах или развивая его со всеми подробностями в печати, мы, в сущности, говорим только то, что нравится или не нравится лично нам. По моему скромному мнению, эта картина ровно ничего не говорит мне. А вам она что-нибудь говорит?

Он располагающе улыбнулся, задавая ей этот вопрос, ни в голосе, ни в глазах его не заметно было какого-либо волнения. Успокоенный в отношении Ромейна, отец Бенвель посмотрел на Стеллу.

Как ни сдерживала она себя, но ее сердечная тайна отражалась на ее лице. Холодно-спокойное выражение, с которым она слушала патера, мало-помалу исчезло под воздействием голоса Ромейна и его взгляда. Лицо Стеллы не изменилось, но нежная кожа слегка порозовела и приобрела более живой оттенок, будто под влиянием внутренней оживляющей теплоты. В ее глазах и на губах вспыхнул интерес к новой жизни, ее изящная, будто эфирная фигура незаметно крепла и распускалась, как цветок под воздействием благодатного солнечного луча. Когда она отвечала Ромейну, конечно, соглашаясь с ним, в ее голосе слышалась нежная убедительность, скромно приглашавшая его продолжать смотреть на нее и говорить с ней. Этот голос открыл бы отцу Бенвелю истину, даже если бы он не видел ее лица. Чувствуя что его подозрения относительно Стеллы обоснованны, он со скрытой подозрительностью бросил взгляд на леди Лоринг. В честных голубых глазах верного друга Стеллы видна была нескрываемая симпатия к девушке.

Лорд Лоринг, находивший чрезмерно строгим мнение Ромейна и Стеллы, снова принялся за обсуждение сюжета несчастной картины. Леди Лоринг, как всегда, согласилась с мужем. Пока всеобщее внимание было занято таким образом, отец Бенвель заговорил с Пенрозом, бывшим до этого молчаливым слушателем художественного спора.

– Видели ли вы знаменитый портрет Гейнсборо – первой леди Лоринг? – спросил он и, не ожидая ответа, взял Пенроза под руку и подвел его к картине, висевшей в самом конце галереи.

– Как вы находите Ромейна? – спросил отец Бенвель тихим голосом, будто продолжая разговор, но, видимо, с нетерпением ожидая ответа.

– Он заинтересовал меня, – отвечал Пенроз. – Он выглядит таким больным и грустным и так ласково говорил со мной...

– Одним словом, – заметил отец Бенвель, – Ромейн произвел на вас приятное впечатление. Перейдем к следующему. Вы также должны стараться произвести приятное впечатление на Ромейна.

Пенроз вздохнул.

– Как ни стараюсь я понравиться людям, которые нравятся мне, я не всегда преуспеваю в этом, – сказал он. – В Оксфорде мне говорили, что я застенчив, и я боюсь, что, к моему несчастью, это правда. Я хотел бы быть более общительным.

– Предоставьте это мне, сын мой! Они все еще говорят о картинах?

– Да.

– Я имею еще кое-что сообщить вам. Заметили вы эту молодую девушку?

– Она красавица, но, по-моему, немного холодна.

Отец Бенвель улыбнулся.

– Когда вы достигнете моих лет, – сказал он, – вы не будете доверяться наружности женщины. Знаете ли, что я думаю о ней? Она, если хотите, красива, но в то же время опасна.

– Опасна? Кому?

– Это я говорю только вам одному по секрету, Артур. Она влюблена в Ромейна. Подождите минуту! А леди Лоринг – если я только не ошибаюсь в том, что вижу, – знает это и покровительствует ее чувству. Прекрасная Стелла может разрушить все наши надежды, если только нам не удастся помешать их сближению.

Эти слова были сказаны шепотом, серьезно и с волнением, удивившим Пенроза. Хладнокровие его начальника не так-то легко было нарушить.

– Отец, уверены ли вы в том, что говорите? – спросил он.

– Совершенно уверен... иначе не стал бы говорить.

– Как вы думаете, мистер Ромейн отвечает взаимностью на ее чувство?

– К счастью, нет еще. Вы должны сначала воспользоваться вашим влиянием на него... Как ее имя? То есть фамилия?

– Эйрикорт. Мисс Стелла Эйрикорт.

– Очень хорошо. Вы должны воспользоваться своим влиянием, когда будете уверены, что действительно имеете его, чтобы отдалить мистера Ромейна от мисс Эйрикорт.

Пенроз, казалось, был в затруднении.

– Я боюсь, что не сумею сделать этого, – ответил он, – но, конечно, в качестве его помощника я постараюсь, чтобы он занимался как можно больше.

Что бы ни подумал начальник Артура о его ответе, он отнесся к нему с наружной снисходительностью и сказал:

– Это не поможет. Но, получив справки, помните: это все между нами, я, быть может, найду возможность воздвигнуть препятствие на пути этой леди.

Пенроз с удивлением взглянул на него.

– Справки? – повторил он. – Какие справки?

– Прежде, чем я отвечу вам, скажите мне, сколько, по вашему, лет мисс Эйрикорт?

– Я не знаток в подобного рода вещах. Года двадцать два, а может быть, и двадцать пять...

– Положим, что так. В прежние годы я имел случай ознакомиться с женщинами в исповедальне. Знаете ли, что говорит мне моя опытность?

– Нет, не знаю.

– Когда девушке более двадцати лет, она влюбляется не в первый раз, это я знаю из опыта, – сказал отец Бенвель.

– Если только я найду человека, способного доставить мне необходимые сведения, я смогу сделать весьма важные открытия из прошлой жизни мисс Эйрикорт. Но теперь довольно. Лучше вернемся к нашим друзьям.

V. Отец Бенвель промахнулся

Группа, стоявшая у картины, послужившей поводом к спору, разошлась. На одном конце галереи леди Лоринг и Стелла шептались, сидя на диване, на другом конце – лорд Лоринг говорил тихо с Ромейном.

– Как вам понравился мистер Пенроз? – спросил лорд.

– Насколько я могу судить по первому впечатлению, он мне понравился. Он, кажется, скромен и умен.

– Вы выглядите больным, Ромейн. Вы опять слышали голос, преследующий вас?

Ромейн отвечал с видимой неохотой:

– Не знаю почему, но все сегодняшнее утро меня преследует боязнь услышать его. Сказать вам правду, я и к вам-то приехал в надежде, что перемена принесет мне облегчение.

– И что же, вы чувствуете себя лучше теперь?

– Да, пока...

– Не указывает ли это, мой друг, на то, что вам была бы полезна большая перемена?

– Не спрашивайте меня об этом, Лоринг! Я несу свое наказание, но ненавижу говорить о нем.

– В таком случае поговорим о чем-нибудь другом. Как вам нравится мисс Эйрикорт?

– Замечательное лицо: выразительное и привлекательное. Леонардо написал бы с нее благородную головку. Но в ней есть что-то такое... – он остановился, не будучи в состоянии или не желая продолжать.

– Что вам не нравится? – спросил лорд Лоринг.

– Нет, что-то такое, чего я не понимаю. Никак не ожидаешь встретить натянутости в хорошо воспитанной девушке. А между тем, когда она говорила со мной, в ней заметна была принужденность. Может быть, я произвел на нее неблагоприятное впечатление?

Лорд Лоринг засмеялся.

– Если бы это сказал другой человек, а не вы, я бы назвал это аффектацией.

– Почему? – спросил Ромейн резко.

Лорд Лоринг посмотрел на него с неподдельным удивлением.

– Неужели вы и в самом деле думаете, что принадлежите к числу людей, производящих при первом взгляде неприятное впечатление на женщину? Хотя раз в жизни допустите слабость в отношении к себе и найдите другую, более правдоподобную причину для натянутости мисс Эйрикорт.

В первый раз с той минуты, как начался его разговор с другом, Ромейн обернулся к Стелле и совершенно неожиданно поймал ее взгляд, обращенный на него. Женщина помоложе и не обладающая таким характером тотчас бы посмотрела в другую сторону. Благородная голова Стеллы склонилась, и взгляд медленно опускался, пока не остановился на ее длинных, белых руках, сложенных на коленях. Еще мгновение Ромейн пристально смотрел на нее. Он встал и заговорил с лордом Лорингом, понижая голос:

– Вы давно знаете мисс Эйрикорт?

– Она лучший и самый давнишний друг моей жены. Мне кажется, Ромейн, Стелла понравилась бы вам, если бы вы чаще виделись с ней.

Ромейн с молчаливой покорностью наклонил голову в ответ на пророческое замечание лорда Лоринга.

– Посмотрим картины, – сказал он спокойно.

Спускаясь вниз по галерее, он встретился с двумя священнослужителями. Отец Бенвель нашел удобный случай помочь Пенрозу произвести благоприятное впечатление.

– Извините любопытство старого студента, мистер Ромейн, – сказал он с приятной веселостью. – Лорд Лоринг говорил мне, что вы послали в деревню за своими книгами. Вы находите удобным заниматься в лондонской гостинице?

– Это очень спокойная гостиница, – отвечал Ромейн, – и все там знают мои привычки. – Он обратился к Артуру: – У меня целое отделение и есть комната к вашим услугам. В деревне я жил в одиночестве. В последнее время мой вкус изменился, теперь мне нравится иногда наблюдать уличную жизнь. Хоть мы и будем жить в гостинице, но я смею обещать, что вам не помешают, когда вы будете столь добры помогать мне вашим пером.

Не успел Пенроз собраться с ответом, как отец Бенвель сказал:

– Может быть, память моего молодого друга окажется вам столь же полезной, как его перо, мистер Ромейн. Пенроз занимался в библиотеке Ватикана. Если при чтении у вас возникнет надобность в какой-нибудь справке, то он лучше многих знает редкие старинные рукописи по древней истории христианства.

Этот деликатный намек на предполагаемое сочинение «О происхождении религии» произвел желанное действие.

– Мне бы очень хотелось потолковать с вами об этих рукописях, мистер Пенроз, – сказал Ромейн. – Может быть, некоторые копии найдутся и в Британском музее. Не будет бесцеремонностью с моей стороны, если я спрошу вас, свободны ли вы сегодня до обеда?

– Я вполне к вашим услугам.

– Если вы будете столь добры зайти ко мне в гостиницу через час, то я успею просмотреть свои записи и буду ожидать вас со списком названий и годов. Вот мой адрес.

Сказав это, он подошел к леди Лоринг и Стелле, чтобы проститься с ними.

Отец Бенвель обладал необыкновенным даром предвидения, но и он не был непогрешим. Видя, что Ромейн собирается уходить, и чувствуя, что путь для дальнейшей деятельности Пенроза достаточно подготовлен, он слишком поспешно предположил, что больше не из-за чего оставаться в галерее, а, напротив, можно с пользой использовать время до визита Пенроза в гостиницу, чтобы дать ему несколько мудрых советов, указав, каким образом он может употребить для религиозных целей свой разговор с Ромейном.

Извинившись одной из своих фраз, всегда бывших у него наготове, он вернулся с Пенрозом в библиотеку и таким образом, как сознавался сам впоследствии, сделал один из немногих промахов в своей продолжительной жизни.

Между тем Ромейну не удалось уйти без гостеприимного напоминания со стороны леди Лоринг. Со свойственной женщине страстной преданностью интересам истинной любви она страдала за Стеллу и решила, что такая пустячная причина, как научные занятия, не должна мешать гораздо более важному предприятию: открыть в сердце Ромейна доступ чувству.

– Позавтракайте с нами, – сказала она, когда он собрался протянуть ей руку на прощание.

– Благодарю вас, леди Лоринг, – я никогда не завтракаю.

– В таком случае приезжайте к нам обедать запросто; завтра и послезавтра мы дома. Когда можно ждать вас?

Ромейн продолжал отказываться.

– Благодарю вас. При моем здоровье я неохотно даю обещания, которые не всегда могу сдержать.

Но леди Лоринг была не менее решительна. Она обратилась за помощью к Стелле.

– Мистер Ромейн под разными предлогами старается отделаться от меня. Попробуй, не удастся ли тебе убедить его.

– Какое влияние могут иметь мои слова?

Тон, которым были сказаны эти слова, поразил Ромейна. Он посмотрел на нее. Ее глаза, остановившиеся на нем, произвели на него странное, обаятельное действие. Она сама не сознавала, как все неподдельное благородство ее характера, все ее глубокие и горячие чувства отра-

зились в эту минуту в ее взоре. Ромейн переменялся в лице: он побледнел при новом чувстве, пробудившемся в нем. Леди Лоринг внимательно наблюдала за ним.

– Может быть, вы недостаточно цените свое влияние, Стелла, – произнесла она.

Ее убеждения не действовали на Стеллу.

– Я всего полчаса знакома с мистером Ромейном, – сказала она. – И не настолько тщеславна, чтобы предполагать, что могу произвести приятное впечатление за такое короткое время.

Она другими словами выразила мнение Ромейна о себе, высказанное им лорду Лорингу. Это совпадение поразило его.

– Мы, кажется, начали с того, что неверно истолковали друг друга, мисс Эйрикорт, – произнес он. – Быть может, мы лучше поймем друг друга, если будем иметь удовольствие снова видеться с вами...

Он нерешительно посмотрел на леди Лоринг. Она была не из тех женщин, которые могут упустить удобный случай, не воспользовавшись им.

– Скажем, завтра вечером, – дополнила она начатую им фразу, – в семь часов.

– Завтра, – сказал Ромейн и, подав руку Стелле, вышел из галереи.

Таким образом, заговор, имевший целью его женитьбу, подавал даже большие надежды на успех, нежели заговор, имевший целью обратить его. Но отец Бенвель, тщательно наставлявший Пенроза в соседней комнате, не знал этого.

Часы приносят с собою изменение событий точно так же, как изменение времени. День прошел, наступил вечер, и виды на успех обращения прояснились.

Послушаем, как отец Бенвель рассказывает об этом событии в своем донесении в Рим, написанном в тот же вечер.

«... Я уговорился с Пенрозом, что он зайдет ко мне и расскажет о начале своей деятельности в качестве секретаря Ромейна.

В ту минуту, когда он вошел в комнату, я тотчас же догадался по его расстроенному лицу, что случилось что-то серьезное. Я спросил, не произошли ли неприятности между ним и Ромейном.

Он повторил мой вопрос с удивлением: “Неприятности? Я не в состоянии выразить словами, как искренне мне нравится мистер Ромейн. Я не могу сказать вам, отец, как мне хочется быть полезным ему”.

Успокоенный этим ответом, я, конечно, спросил, что случилось. Пенроз отвечал на мой вопрос с явным смущением:

– Я совершенно невольно узнал тайну, знать которую не имел права, – сказал он. – Я скажу вам все, что совесть позволяет мне сказать. Довершите вашу доброту, не приказывайте мне говорить, когда мой долг в отношении душевно измученного человека обязывает меня молчать даже с вами.

Я, конечно, удержался от прямого ответа на это странное обращение.

– Скажите, что можете сказать, – отвечал я, – а там посмотрим.

Он начал рассказывать. Мне, конечно, нет надобности напоминать вам, как в своих планах возвращения Венжа мы предполагали воспользоваться теми шансами на успех, которые представлялись нам в странном характере теперешнего владельца поместья. Передавая вам рассказ Пенроза, я сообщу об открытии, которое, осмеливаюсь думать, будет столь же приятно для вас, как было для меня.

Он начал с того, что напомнил мне мои собственные слова о Ромейне:

– Вы упомянули, что слышали от лорда Лоринга, будто Ромейн страдает от какого-то горя или угрызения совести, – сказал Пенроз. – Я знаю, как он страдает, отчего он страдает и с каким благородством покоряется своему горю. Мы сидели вместе за столом, просматривая его заметки и записки, как вдруг рукопись, которую он читал, выпала у него из рук. Смер-

тельная бледность покрыла его лицо. Он вскочил, закрыл уши руками, будто услышал что-то ужасное. Я побежал к двери, собираясь позвать на помощь. Он остановил меня и слабым, прерывающимся голосом запретил звать кого-либо и делать свидетелем его страданий.

– Это уже не в первый раз, – произнес он, – и скоро пройдет. Если у вас нет сил оставаться со мной, я предлагаю уйти и вернуться, когда я приду в себя.

Мне было так жаль его, что я почувствовал в себе силу остаться. Когда припадок миновал, Ромейн взял меня за руку и поблагодарил.

– Ты отнесся ко мне, как друг, – сказал он, – и я буду относиться к тебе, как к другу. Все равно рано или поздно, – продолжил он, – мне придется открыться, и я намерен сделать это сейчас же.

Он рассказал мне свою грустную историю. Умоляю вас, отец, не заставляйте меня повторять ее! Довольствуйтесь тем, что я вам скажу: она произвела на меня тяжелое впечатление. Утешением, единственной надеждой для него может быть наша религия. Я всем сердцем отдался делу обращения его и в глубине души чувствую, что мои старания увенчаются успехом!

Вот в каком духе и тоне говорил Пенроз. Я не стал настаивать на том, чтобы он открыл мне тайну Ромейна. Она не имела значения для нас. Вы знаете, что преданность делу и энтузиазм Артура искупают его слабохарактерность. Я верю, что его старания увенчаются успехом.

Перейду на минуту к другому предмету. Я уже сообщал вам, что у нас на пути встала женщина. У меня свой взгляд на то, какой метод надо держаться, чтобы устранить подобное препятствие, когда оно определится яснее. Я могу только уверить вас, что, пока это в моих силах, ни этой женщине, ни какой другой не удастся завладеть Ромейном».

Закончив этими словами свое донесение, отец Бенвель вернулся к размышлениям о справках, которые намеревался навести о прошлой жизни Стеллы.

Он был убежден, что как ни осторожно он принялся бы за дело, будет неблагоприятно пытаться узнать что-либо от лорда Лоринга или его жены. Если он в свои годы вдруг выкажет интерес к молоденькой протестантке, видимо избегавшей его, это всех удивит, а удивление может весьма естественно повести к подозрению.

Но в доме лорда Лоринга была еще одна особа, к которой он мог обратиться, – экономка. Живя давно в доме и пользуясь доверием хозяйки, она могла служить источником справок о прекрасной подруге леди Лоринг и, как ревностная католичка, конечно, почувствовала бы себя польщенной вниманием домашнего духовного пастыря.

Отец Бенвель подумал:

– Приняться за экономку будет нелишне.

VI. Порядок блюд

Мисс Нотман, занимая должность экономки в доме леди Лоринг, вполне оправдывала свою рекомендацию «знающей и почтенной особы, преданной всей душой интересам своих хозяев». Ее слабыми сторонами было ношение девичьей косы и заблуждение, что ее стан все еще строен. Главной мыслью ее крохотного разума была мысль о собственном достоинстве. Всякое посягательство в этом отношении на много дней расстраивало ее и вызывало жалобы, с которыми она обращалась к каждому, чьим вниманием ей удавалось завладеть.

В пять часов следующего дня после представления Ромейну отец Бенвель сидел за кофе в комнате экономки, по-видимому, чувствуя себя так же свободно, будто знал мисс Нотман с первых дней ее детства. На столе лежало новое прибавление к маленькой библиотеке экономки: несколько благочестивых книг, свидетельствовавших о мерах, к которым он прибегнул с самого начала, чтобы стать в положение, которое занял теперь. Чувство собственного досто-

инства мисс Нотман было польщено вдвойне. У нее в гостях был священник, а на заглавном листке одной из книг красовался автограф почтенного джентльмена.

– По вкусу ли вам кофе, отец?

– Позвольте еще кусочек сахару.

Мисс Нотман гордилась своею ручкой, оценивая ее как одну из достойных внимания подробностей своей особы. Она взяла щипчики с нежной грацией и положила сахар в чашку, чувствуя юношеское удовольствие, что может удовлетворить прихоти своего знатного гостя.

– Как вы добры, отец, что оказываете мне такую честь, – сказала она тоном шестнадцатилетней девушки, хотя на самом деле ей было уже под шестьдесят.

Отец Бенвель любил принимать различные нравственные личины. В этом случае он принял образ пастырской простоты.

– В этот час, после обеда, я ленивый старик, – сказал он. – Я не отвлекаю вас от домашних обязанностей?

– Я нахожу наслаждение в исполнении своих обязанностей, – отвечала мисс Нотман, – но сегодня они не были для меня так приятны, как всегда: я рада, что закончила все. Даже в моем скромном положении есть свои печали.

Человек, знакомый с характером мисс Нотман, услышав эти слова, сразу переменял бы предмет разговора. Когда она начинала говорить о своем скромном положении, это значило, что она намекает на какую-нибудь обиду и готова со всеми подробностями рассказать о своем горе. Не зная об этой черте ее характера, отец Бенвель впал в роковую ошибку. С вежливым участием он спросил, в чем состояли ее печали.

– О сэр, вы не можете составить себе понятие о них! – сказала мисс Нотман скромно. – Но в то же время я сочла бы честью для себя узнать ваше мнение по этому поводу – мне так хотелось бы увериться, что вы не осуждаете моего образа действия. Видите ли, на мне лежит вся ответственность по устройству обедов. А эта обязанность очень тяжела для такой застенчивой особы, как я, особенно, когда к обеду ждут гостей, как сегодня.

– Ждут много гостей, мисс Нотман?

– О нет! Напротив. Будет всего один мистер Ромейн.

Отец Бенвель остановил чашку на полдороге ко рту. Он сразу совершенно справедливо заключил, что приглашение было сделано Ромейну и принято им после того, как он ушел из картинной галереи. Что целью приглашения было устроить встречу между Ромейном и Стеллой и обставить свидание так, чтобы они быстро смогли бы сблизиться, – было для него так же ясно, как будто ему признались в этом. Если бы он остался в галерее, он знал бы, какие средства были употреблены для того, чтобы побудить такого необщительного человека, как Ромейн, принять приглашение.

«Я сам виноват, что теперь не знаю ничего!» – подумал он с горечью.

– Что с вами? Или кофе нехорош? – с испугом спросила мисс Нотман.

Он торопился узнать далее свою судьбу и отвечал:

– О нет! Это так, ничего. Прошу вас, продолжайте.

Мисс Нотман стала рассказывать дальше:

– Вот, видите ли, на этот раз леди Лоринг особенно заботилась об обеде. Она сказала: «Лорд Лоринг напомнил мне, что мистер Ромейн очень мало кушает, что ему трудно угодить». Я, конечно, призвала свою опытность на помощь и предложила именно такой обед, который годится для этого случая. Я должна отдать полную справедливость ее сиятельству. Она ничего не имела против самого обеда. Напротив, даже поздравила меня со способностью «быстро соображать», как она выразилась. Но когда мы начали обсуждать порядок блюд... – здесь мисс Нотман остановилась, не закончив фразу, и вздрогнула при тяжелом воспоминании о неприятности, поводом к которой послужил порядок блюд.

Между тем отец Бенвель заметил свою ошибку. Он воспользовался слабостью мисс Нотман и в минуту молчания вставил свой вопрос.

– Извините мое невежество, – сказал он, – мой скудный обед продолжается десять минут и состоит из одного блюда. Я не могу понять, какая может быть разница в мнениях, когда дело идет об обеде всего только для трех человек: лорд и леди Лоринг – два, мистер Ромейн – три. Я, кажется, ошибся? Быть может, мисс Эйрикорт четвертая?

– Конечно.

– Прелестная особа, не правда ли, мисс Нотман? Я говорю как человек посторонний, но вы, без сомнения, лучше знаете мисс Эйрикорт.

– Без сомнения, лучше, если я смею так выразиться. Она подруга миледи, и мы часто говорили о мисс Эйрикорт в продолжение моего долголетнего пребывания в этом доме. В подобных случаях ее сиятельство обращается со мной, как со скромным другом. Но когда дело дошло до порядка блюд, она заговорила совершенно иным тоном. Мы, конечно, были согласны насчет супа и рыбы, но относительно следующих блюд наши мнения, так сказать, немного разошлись. Ее сиятельство сказали: «Сначала телятина, а потом котлеты». Я осмелилась заметить, что лучше будет, если телятина, как белое мясо, не будет следовать за тюрбо – белой рыбой. «Ваше сиятельство, – сказала я, – темное мясо доставит приятное разнообразие для глаз, а затем белое мясо приятно напомнит о белой рыбе». Видите ли, в чем дело, отец?

– Я вижу, мисс Нотман, что вы мастерица в искусстве, которое недоступно моему пониманию. Мисс Эйрикорт присутствовала при вашем разговоре?

– О нет! Я бы не согласилась на ее присутствие. Я бы сказала, что она не на своем месте.

– Да, да, понимаю. Мисс Эйрикорт единственная дочь?

– У нее были две сестры, отец Бенвель. Одна из них в монастыре.

– В самом деле?

– А другая умерла.

– Отец и мать, конечно, очень огорчены?

– Извините меня... Без сомнения, мать огорчена. Отец умер уже давно.

– Вот как! Мать прекрасная женщина? Мне кажется, я слышал это.

Мисс Нотман отрицательно покачала головой.

– Я не хотела бы несправедливо отзываться о ком-нибудь, – сказала она, – но называя ее «прекрасной», вы, как мне кажется, подразумеваете семейные добродетели. Мистрис же Эйрикорт особа очень ветреная.

В большинстве случаев ветреную особу легко вызвать на разговор и такая особа не особенно ревностно хранит секреты. Отцу Бенвелю открывался путь для наведения необходимых справок.

– Мистрис Эйрикорт живет в Лондоне? – спросил он.

– О нет! В это время года она обычно гостит у знакомых – переезжает из одного поместья в другое и думает только о том, как бы повеселиться. Нет в ней семейных добродетелей. Она уж, наверное, ничего не знает о порядке блюд! Я забыла сказать вам, что леди Лоринг приняла мое предложение относительно телятины. Так я дошла до конца своего меню, как французы называют это, но здесь ее сиятельство оказалась очень несговорчивой, однако, все равно! Я не стану останавливаться на этом, но спрошу вас, отец, в какой части обеда следует подавать яичницу с устрицами?

Отец Бенвель воспользовался случаем узнать адрес мистрис Эйрикорт.

– Ах, милая мисс Нотман, я не более мистрис Эйрикорт имею понятие о том, когда следует подавать яичницу с устрицами! Для такой женщины, как она, должно быть большим удовольствием наслаждаться без издержек красотами природы – в качестве желанной гостьи. Желал бы я знать, не живет ли она в каком-нибудь имении, где и я бывал.

– Я, право, не знаю, где она теперь – в Англии, Шотландии или Ирландии, – отвечала мисс Нотман совершенно искренне, так что не оставалось сомнения в ее правдивости. – Посоветуйтесь с собственным вкусом, отец. Можно ли без содрогания смотреть на яичницу с устрицами, покушавши желе, крема, мороженого? Поверите ли? Ее сиятельство предложили подать яичницу вместе с сыром. Устрицы после сладкого! Я пока еще – не замужем.

Отец Бенвель, прежде чем покориться своей участи, сделал последнее отчаянное усилие и задал еще один вопрос:

– В этом вы, вероятно, сами виноваты, – прервал он ее с убедительнейшей улыбкой.

Мисс Нотман улыбнулась:

– Вы конфузите меня, – сказала она нежно.

– Я высказываю свое глубокое убеждение, мисс Нотман. Когда смотришь со стороны, право, иной раз становится грустно, видя, сколько женщин, которые могли бы быть ангелами в домашней жизни, предпочитают одиночество. Я знаю, церковь высоко ценит холостую жизнь. Но даже она допускает исключения. Искреннее уважение удерживает меня от указания на одно из подобных исключений, – здесь он поклонился мисс Нотман. – Другим исключением, мне кажется, должна быть молодая особа, о которой мы только что говорили. Не странно ли, что мисс Эйрикорт до сих пор еще не замужем?..

Западня была искусно поставлена, отец Бенвель мог, наверное, рассчитывать, что мисс Нотман попадется в нее. Но ужасная экономка дошла до нее и вдруг оказалась неспособной сделать и шаг далее.

– Я сама говорила то же самое леди Лоринг, – сказала она.

Пульс отца Бенвеля забился скорее.

– Да? – проговорил он самым нежным, ободряющим тоном.

– Но ее сиятельство не захотели далее продолжать разговор. Они сказали: «Я имею свои причины не распространяться об этом и надеюсь, вы не ожидаете, чтобы я сообщила их вам». Она говорила с доверием, лестным для моего благоразумия, и я это сознаю с благодарностью. Какая разница в тоне, когда речь дошла до яичницы! Я уже сказала, что я не замужем, но будь у меня муж и предложи я ему яичницу с устрицами после пудинга и пирожного, то не удивилась бы, если бы он заметил мне: «Душа моя, ты с ума сошла!» И вдруг, когда я осмелилась сказать, что место яичницы после дичи, ее сиятельство вышли из себя – я же оставалась хладнокровной – и тоном, не только раздраженным, но просто сердитым спросили меня: «Кто здесь хозяйка, мисс Нотман? Я приказываю, чтобы яичницу с устрицами подали вместе с сыром». Из уважения к самой себе я не отвечала. Как христианка я могу простить, но как обиженной дворянке, мне нелегко будет забыть.

Мисс Нотман откинулась на спинку своего кресла с видом мученицы и как будто сожалела, что должна была рассказать о неприятности, постигшей ее. Отец Бенвель, встав, весьма удивил оскорбленную дворянку.

– Неужели вы уже уходите, отец? – спросила она.

– Время быстро летит в вашем обществе, любезная мисс Нотман. У меня есть дело... я и так опоздал.

Экономка грустно улыбнулась.

– По крайней мере, скажите, что вы не осуждаете моего образа действий в этих тяжелых для меня обстоятельствах.

Отец Бенвель взял ее руку.

– Истинный христианин чувствует оскорбления только затем, чтобы прощать их, – заметил он своим отеческим и наставительным тоном. – Вы доказали мне, мисс Нотман, что вы христианка. Я не потерял вечер. Да благословит вас Господь!

Он пожал ее руку и, озарив светом своей отеческой улыбки, со вздохом простился с ней. Мисс Нотман следила за ним взором, полным восхищения и благоговения.

Отец Бенвель не лишился своего светлого расположения духа, когда скрылся с глаз экономки. Несмотря на все встречавшиеся препятствия, он сделал одно важное открытие. Несомненно, в прошлой жизни Стеллы случилось компрометирующее ее обстоятельство и, конечно, в нем был замешан мужчина.

«Я не совсем напрасно пожертвовал вечером», – подумал он, поднимаясь по лестнице из комнаты экономки в залу.

VII. Влияние Стеллы

Входя в залу, отец Бенвель услышал, что кто-то стучится в парадную дверь. Слуги, казалось, знали, кто стучится, – швейцар впустил лорда Лоринга.

Отец Бенвель подошел к нему и поклонился. Его поклон выражал уважение к лорду Лорингу, но вместе с тем уважение и к самому себе.

– Ваше сиятельство гуляли в парке? – спросил он.

– Нет, ездил по делу, – отвечал лорд Лоринг, – и мне хочется поговорить с вами об этом деле. Если у вас есть несколько свободных минут, пойдемте в библиотеку...

– Несколько дней назад, – начал лорд Лоринг, когда дверь затворилась за ними, – я, кажется, говорил вам, что друзья мои рассуждали со мной о довольно важном деле – об открытии моей картинной галереи для публики.

– Да, я помню, – ответил отец Бенвель. – Ваше сиятельство решились на что-нибудь?

– Да, я решился, как говорят, «не отставать от времени» и последовать примеру других обладателей картинных галерей. Не думайте, что я когда-нибудь сомневался в своей обязанности по силе возможности распространять образовательное влияние искусства. Единственной причиной моего колебания была боязнь, что может что-нибудь случиться с картинами. И теперь я хочу провести опыт, только при известных ограничениях.

– Без сомнения, мудрое решение, – сказал отец Бенвель. – В таком городе, как Лондон, вряд ли было бы возможно открыть двери вашей галереи для каждого прохожего.

– Я рад, что мы сходимся во взглядах, отец Бенвель. В первый раз галерея будет открыта в понедельник. Всякий прилично одетый человек, предъявив свою карточку в книжных магазинах на Бонд-стрит или Реджент-стрит, может получить бесплатный билет для осмотра галереи. Число билетов, конечно, ограниченное, а галерея будет открыта для публики только два раза в неделю. Вы будете в понедельник?

– Конечно. Мои занятия в библиотеке, сами видите, ваше сиятельство, только что начались.

– Мне очень хочется знать, какой успех будет иметь этот опыт, – сказал лорд Лоринг. – Загляните в галерею два раза в день и передайте мне ваши впечатления.

Выразив свое согласие помочь опыту всеми зависящими от него средствами, отец Бенвель медлил и не уходил из библиотеки. Он тайне питал надежду, что в последнюю минуту его пригласят к обеду вместе с Ромейном. Лорд Лоринг взглянул на часы над камином: пора было одеваться к обеду.

Патеру оставалось только одно: понять намек и удалиться.

Пять минут спустя посыльный принес лорду Лорингу письмо, задевавшее интересы отца Бенвеля. Письмо было от Ромейна, он извинялся, что только за час до назначенного времени извещает о невозможности исполнить свое обещание.

«Вчера, – писал он, – у меня опять был припадок, который вы называете галлюцинацией слуха. Чем более приближается час вашего обеда, тем сильнее я начинаю бояться, чтобы то же не повторилось со мной у вас. Пожалуйста и простите меня».

Даже добродушный лорд Лоринг, прочтя эти строки, не сразу пожалел его и простил.

– Подобные капризы простительны женщине, – произнес он, – у мужчины же должно быть больше силы воли. Бедная Стелла! А что скажет жена?

Он ходил взад и вперед по библиотеке, представляя себе негодование леди Лоринг и разочарование Стеллы. Но как помочь горю? Придется, приняв на себя последствия, сообщить неприятное известие.

Он только собирался уйти из библиотеки, как явился посетитель. Это был не кто иной, как сам Ромейн.

– Я опередил свою записку? – спросил он поспешно.

Лорд Лоринг показал ему письмо.

– Бросьте ее в огонь, – проговорил Ромейн, – и примите мое извинение в том, что я написал ее. Помните ли вы те счастливые дни, когда вы, бывало, называли меня человеком, подверженным минутным порывам? Эта записка была написана под минутным впечатлением, и вот теперь я являюсь сюда вопреки тому, что написал. Для объяснения моего странного поведения я должен просить вас припомнить все с самого начала. Помните вы день консилиума по поводу моей болезни? Пожалуйста, остановите меня, если я неверно охарактеризую лиц, принимавших участие в нем. Двое из них были доктора медицины, а третий просто врач, ваш друг. Насколько я помню, это он сообщил вам результат консилиума?

– Совершенно верно.

– Первый из двух докторов, – продолжал Ромейн, – приписывал мою болезнь исключительно нервному расстройству и думал, что ее можно вылечить лекарствами. Я говорю, как профан, но мне кажется, в переводе на простой язык, смысл его слов был именно таков.

– Да, такова была сущность его мнения, – ответил лорд Лоринг, – и сущность его рецептов, которые вы, кажется, разорвали в клочки?

– Так всегда следует поступать с рецептами, в которые не веришь. Когда очередь дошла до второго доктора, он высказал мнение совершенно противоположное. Третий медицинский авторитет в лице вашего друга избрал себе середину и сделал заключение консилиума, сблизив взгляды обоих докторов и соединив два противоположных лечения в одно.

Лорд Лоринг заметил, что Ромейн недостаточно почтительно отзывается о заключении консилиума. Но что заключение действительно было таково – этого он отрицать не мог.

– Если я прав, – продолжал Ромейн, – то все остальное не имеет для меня значения. Как я еще тогда сказал вам, мне кажется, что только второй доктор один понял, в чем дело. Можете вы вкратце повторить мне, что он сказал?

– Вы уверены, что это не расстроит вас?

– Напротив, это укрепит во мне надежду.

– Насколько я помню, – произнес лорд Лоринг, – доктор не отрицал влияния тела на душу. Он допускал, что состояние вашей нервной системы, может быть, было одной из причин... я, право, не знаю, продолжать ли?

– Моего сознания, что никогда не прощу себе случайного или не случайного убийства этого человека, – докончил Ромейн фразу, начатую другом. – Теперь, прошу вас, продолжайте.

– По мнению доктора, – продолжал лорд Лоринг, – ваша галлюцинация есть следствие болезненного состояния вашей души в ту минуту, когда вы действительно слышали голос во время дуэли. Через нервную систему пережитое впечатление оказало огромное влияние на ваше физическое состояние. Нравственное потрясение и его влияние на вас поддерживаются теми взглядами на произошедшее, от которых вы никак не желаете отказаться. Вот, в общих чертах, что я помню из слов доктора.

– А помните его ответ на вопрос о том, какое лекарство он думает прописать? Болезнь, причина которой коренится в душе, может быть исцелена только средствами, влияющими на нравственное состояние человека.

– Да, я помню его слова, – сказал лорд Лоринг. – В пояснение своей мысли доктор прибавил: появление нового, всепоглощающего интереса в вашей жизни, радикальное изменение вашего образа мыслей, влияние на вас не известной вам прежде личности, встретившейся неожиданно, или совершенно новое место жительства могли бы чрезвычайно благотворно повлиять на вас.

Глаза Ромейна засверкали.

– Совершенно верно! – воскликнул он. – Я вполне ясно помню слова доктора: «Если мой взгляд верен, меня не удивит, когда мне сообщат, что выздоровление, которого мы все так желаем, началось при обстоятельствах самых незначительных: под влиянием чьего-нибудь голоса или чьего-нибудь взгляда». Мнение доктора вспомнилось мне только тогда, когда я уже написал свою глупую извинительную записку. Я не стану рассказывать вам последовавших за этим воспоминаний, чтобы скорее дойти до результата. В первый раз во мне блеснула надежда – слабая надежда, что нашлось одно из влияний, о которых говорил доктор, способное заставить замолчать голос, преследующий меня, это влияние – взгляд.

Если бы Ромейн сказал это леди Лоринг, а не ее мужу, она тотчас бы поняла его. Лорд Лоринг же ждал дальнейшего объяснения.

– Я еще вчера говорил вам, – продолжал Ромейн, – что все утро опасался услышать голос и пришел посмотреть на картины, надеясь немного развлечься. Все время, пока я был в галерее, я не боялся и не слышал голоса. Но по возвращении в гостиницу он снова начал мучить меня, и я с горестью должен признаться, что мистер Пенроз видел мои страдания. Вы и я, мы оба приписывали перерыв перемене обстановки. Теперь я думаю, что мы оба ошибались. В чем состояла перемена? В вас и леди Лоринг я видел двух своих самых старинных друзей. Посещение вашей галереи только возобновило во мне впечатление сотен других подобных посещений. Чьему же влиянию я в самом деле обязан облегчением? Не старайтесь отделаться от моего вопроса, отвечая на него насмешкой над моей болезненной фантазией. Болезненная фантазия превращается в действительность для человека, подобного мне. Припомните слова доктора и вспомните новое лицо, которое я видел в вашем доме! Вспомните взгляд, впервые нашедший дорогу к моему сердцу!

Лорд Лоринг еще раз взглянул на часы над камином. Стрелки указывали час обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.